

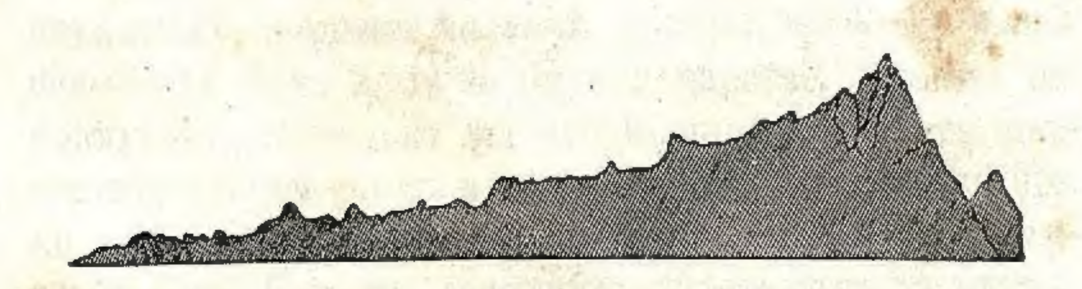
БОГОУГОДНАЯ ЖИЗНЬ ВООБЩЕ.

СЛОВА ЕПИСКОПА ѲЕОФАНА.

(Изъ словъ къ Тамбовской и Владимірской паствамъ 1859—1866 гг.).

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собственный домъ.
1899.

От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. 26 октября, 1898 года.

Цензоръ Протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій.*

1.

И гражданская жизнь есть поприще богоугожденія для тѣхъ, кои труды по ней Богу посвящаютъ.

Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется (Рим. 13, 1).

Обстоятельства времени учатъ человѣка и внушаютъ ему разныя наставленія по роду своему. Такъ дни царскіе невольно склоняютъ вниманіе на Царя и царство, а здѣсь, въ храмѣ, переносятъ мысль отъ царства земнаго къ Царству небесному и побуждаютъ соразмѣрять служеніе въ одномъ съ служеніемъ для другаго. Въ самомъ дѣлѣ, бр., когда въ дни царскіе мы собираемся въ храмы Божіи, въ коихъ обыкновенно служимъ Богу истинному, *творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія* (1 Тим. 2, 1) за Царя и царство, то симъ исповѣдуемъ не только то, что Вышній владѣетъ царствомъ человѣческимъ и, куда хощетъ, направляетъ его, но и то, что, служа отечеству, мы симъ самымъ служимъ Богу. Какъ же приходитъ нѣкоторымъ на мысль, будто между сими служеніями нѣтъ союза и будто посвятившій себя одному неизбѣжно оставитъ и забудетъ другое? Если здѣсь приносимъ мы благодареніе Богу за прошедшіе успѣхи въ служеніи общественномъ и

просимъ помощи на дальнѣйшее въ немъ преспѣяніе, если, т. е., сіе служеніе отсюда какъ бы исходитъ и сюда же возвращается, то когда дѣйствительно, можетъ быть, кого отвлекаетъ оно отъ служенія Богу и ослабляетъ въ комъ духъ благочестія: не зависитъ ли это отъ вины нашей, а не отъ самаго служенія? Когда Господь говоритъ: *воздадите кесарева кесареви, и Божія Богови* (Мат. 22, 21), то внушаетъ, что совмѣщать сіе обоюдное служеніе не только можно, но и должно. Свойство же самаго дѣла показываетъ, что какъ тѣло есть орудіе, посредствомъ котораго душа обнаруживаетъ свои внутреннія дѣйствія: такъ и общество и служеніе въ немъ есть лучшее поприще для раскрытія и обнаруженія невидимаго духа благочестія, и не для обнаруженія только, но вмѣстѣ для образованія и укрѣпленія. Въ семъ несомнѣнно увѣримся, если внимательнѣе разсмотримъ ученіе Апостольское о служеніи общественномъ (Рим. 13, 1—8).

Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ пишетъ: *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется* (13, 1). Когда говоритъ: *всяка душа*, то не исключаетъ никого, кромѣ верховной Главы царства, всѣмъ правящей, и когда говоритъ: *властемъ предержащимъ*, то разумѣетъ всякую вообще власть, законно поставленную. Если теперь въ благоустроенномъ обществѣ всѣ члены находятся во взаимной зависимости и взаимномъ подчиненіи, то оно есть область взаимно повинующихся и, слѣд., училище повиновенія.

Обратите же теперь вниманіе на то, что значитъ повиновеніе въ Христіанской жизни. Это есть такая добродѣтель, которою одною, можно сказать, содержится въ цѣлости весь составъ нравственности и благочестія. Будемъ судить по противоположности. Начало всѣхъ

грѣховъ—въ неповиновеніи перваго человѣка повелѣнію Бога-Царя, и теперь что есть всякій грѣхъ, какъ не плодъ непокорности. Спросите, отчего болѣе всего страждутъ ревнители благочестія? Отъ своенравія своей воли. Противъ чего преимущественно вооружались св. подвижники? Противъ своей воли. Что препятствуетъ человѣку—грѣшнику оставить грѣхъ и обратиться къ Богу—на путь правды? Упорство и развращеніе своей воли. Какъ потому должно быть благодѣтельно истреблять, или, по крайней мѣрѣ, умалять въ насъ сіе зло— свою волю, сокрушать сію выю желѣзную! Но чѣмъ и какъ удобнѣе можно это произвесть? Ничѣмъ болѣе, какъ повиновеніемъ, отреченіемъ отъ своей воли, преданіемъ себя волѣ другаго. Ибо несомнѣнно, что сія послѣдняя едва ли станетъ свои распоряженія склонять въ угодность намъ; а когда противъ воли нашей, то сія по необходимости будетъ смиряться и вступать въ должные предѣлы. Если теперь общественное служеніе есть поприще повиновенія; то, судите сами, какъ приспособлено оно къ истинно-Христіанской и благочестивой жизни! Полагая преграды юношескому жару или обдуманнымъ планамъ мужа, и въ то же время обязывая къ извѣстнымъ занятіямъ, не по сердцу страстному, оно не только не даетъ исхода злу изъ сердца, возвращая его внутрь, какъ бы на истребленіе себя, но и подавляетъ его тамъ, дѣлая постоянный переломъ волѣ дѣйствительнымъ служеніемъ. Справедливо, что въ обществѣ требуются дѣла болѣе внѣшнія, тогда какъ своя воля можетъ таиться внутри: но какой благоразумный человѣкъ позволитъ навсегда оставаться въ себѣ такому раздвоенію? Не понудится ли, напротивъ, всякій и сердце свое приложить къ тому, что дѣлаетъ во внѣ? И можетъ ли притомъ быть такое разногласіе

продолжительнымъ? Искра сама собою гаснетъ, если не раздувать ее намѣренно, и ростокъ въ сѣмени, замираетъ, если не возбуждать его живительными стихіями. То же бываетъ и съ своеволіемъ: оно само собою будетъ слабѣть, умаляться и, наконецъ, совсѣмъ сдѣлается незамѣтнымъ, если не раздражать его исполненіемъ его требованій. Вотъ почему между постоянно служащими, послѣ довольно продолжительной службы, можно встрѣчать людей большею частію тихихъ, смиренныхъ, благопокорливыхъ. Такъ Господь чрезъ общественное служеніе всѣхъ насъ заключилъ въ повиновеніе, чтобы всѣхъ возвратить къ Себѣ чрезъ уничтоженіе своеволія и образованіе смиренной покорности. Ибо кто людямъ покоренъ, тотъ тѣмъ охотнѣе покорится Богу, и кто исполняетъ человѣческія постановленія, тотъ тѣмъ ревностнѣе будетъ исполнять заповѣди Божіи.

Но скажетъ кто: мы сотворены для Бога; Ему единому и работать должны, чтобы удостоиться потомъ быть съ Нимъ въ Царствіи небесномъ. Но какое общеніе между служеніемъ земнымъ и трудами Царствія ради небеснаго? Служа ради людей и притомъ ради земнаго ихъ благоденствія, не отдаляемся ли мы тѣмъ отъ своего назначенія, сколько небо выше земли, и тварь ниже Творца? Противъ такого помышленія послушайте, что говоритъ далѣе Апостолъ: *нѣсть власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Рим. 13, 1). Всякая власть отъ Бога. Слѣд., и та, подъ которою каждый изъ насъ непосредственно учиненъ и какой долженъ повиноваться. Потому, независимо отъ того, высока ли сія власть или не высока, она тѣмъ не менѣе есть власть отъ Бога, и, повинуясь ей, тѣмъ не менѣе повинуется Богу. Вотъ связь служенія человѣку съ служеніемъ Богу. *Повинися всякому*

человѣчу созданію Господа ради (1 Петр. 2, 13),—и будешь работать уже не человѣку, а Богу: человѣкъ тогда исчезаетъ изъ вниманія и сердца, а будетъ тамъ Богъ единъ и Его святая воля. Не видно ли, что обратить служеніе общественное въ средство къ Богоугожденію и стяжанію Царствія небеснаго зависитъ отъ каждаго изъ насъ самого? Управь сердце свое, очисти его намѣренія, освяти ожиданія: и угодишь Богу, отправляя какую-нибудь, повидимому, незначительную должность въ обществѣ. Господь благоволитъ не къ одному только количеству дѣлъ и ихъ величію, но главнымъ образомъ къ тому расположенію, съ какимъ они совершаются. Лепта вдовицы оказалась предъ Нимъ многоцѣннѣе богатыхъ вкладовъ, и стаканомъ воды оказанное благотвореніе обѣщалъ Онъ не забыть въ Царствѣ небесномъ.

Итакъ, если чье служеніе отечеству не восходитъ къ Богу и не превращается въ служеніе Ему: тотъ, вѣрно, не такъ служитъ, какъ должно, не тѣ имѣетъ цѣли, не съ тѣмъ расположеніемъ ходитъ въ семъ служеніи. Такъ—кто исправенъ по службѣ и повинуется начальству изъ страха наказанія, тотъ служитъ не право: ибо повиноваться должно, по Апостолу, *не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть* (Рим. 13, 5). Такой слуга очень не надеженъ. Если отнять у него узы страха, онъ предастся всему буйству своеволія, не смотря на то, что есть Богъ всевидящій и вездѣсущій. Также—кто дѣлаетъ все изъ выгодъ, въ надеждѣ на награды, въ ожиданіи возвышенія, тотъ служитъ суетѣ и страстямъ, а не Богу. Въ обществѣ необходимы награды, чтобъ отличить труды и достоинства отъ лѣности и недостоинства,—необходимы повышенія, чтобы замѣстить степени, требующія дѣлателей опытныхъ, которые обыкновенно восходятъ въ мѣру сію долговремен-

ностію и разнообразіемъ занятій. Но кто и цѣлію своего служенія поставляетъ подобное искательство, тотъ извращаетъ въ сердцѣ своемъ намѣренія правительства и Божіи, по коимъ нерѣдко бываетъ нужно умолять, подобно Моисею, чтобъ избрали достойнѣйшихъ. И служеніе обществу для общества же есть служеніе не правое. Какъ будто общество существуетъ само для себя и имѣетъ цѣль въ себѣ. Господь благоволилъ быть на землѣ гражданскому устройству для того, чтобы вспомоществуя другъ другу, другъ друга вразумляя и исправляя, тѣмъ успѣшнѣе достигали вѣчнаго блаженства, чрезъ исполненіе Его святой воли и умноженіе Его славы на землѣ. Общество есть средство. Кто поставляетъ его цѣлію, тотъ отнимаетъ у него цѣль и дѣлаетъ его какъ бы пустымъ и безжизненнымъ. Не оттого ли нѣтъ порядка, спокойствія и благоденствія тамъ, гдѣ служатъ обществу для самаго общества? Ибо кто всего ожидаетъ отъ него, тотъ первый обратится противъ него, коль скоро ощутитъ себя въ немъ забытымъ, незамѣченнымъ. Но кто работаетъ ему Господа ради, у того жаръ ревности не охладѣетъ отъ холодности и невниманія людей.

Говорить ли, наконецъ, о томъ, какое обширное представляется въ обществѣ поприще для упражненія любви къ ближнимъ, которая есть вторая главнѣйшая заповѣдь—ближайшее средство къ Богоугожденію (1 Іоан. 4, 16) и прямѣйшій путь въ Царство небесное, когда это очевидно само собою; ибо общество есть союзъ людей взаимно работающихъ другъ для друга, или, что то же,—ходящихъ въ дѣлахъ любви? Сравниваютъ общество съ живымъ тѣломъ. Въ тѣлѣ живомъ каждый членъ живетъ для всѣхъ, и всѣ для каждаго, и такимъ всеобщимъ самопожертвованіемъ хранится цѣлость и здоровье тѣла. Такимъ же точно образомъ зиждется и благо-

состояніе общества. А въ этомъ кто не видитъ духа любви, которой главное свойство — не своихъ си точію искать (1 Кор. 13, 5), но и дружнихъ смотрять, — не себѣ только угождать (Рим. 15, 1), но и другъ друга тяготы носить (Гал. 6, 2). Потому, и наоборотъ, — дѣйствуя здѣсь, какъ должно, чему скорѣе всего научиться можно, какъ не любви, когда ходишь непрестанно среди занятій, не только не чуждыхъ любви, но и требующихъ ея? Посему Апостолъ въ изображеніи общественнаго служенія прилагаетъ далѣе: *воздадите убо всѣмъ должная: емуже убо урокъ, урокъ: а емуже дань, дань: а емуже страхъ, страхъ: и емуже честь, честь. Ни единому же ничимже должни бывайте, точію еже любити другъ друга: любяй бо друга, законъ исполни* (Рим. 13, 7. 8). То есть, по Апостолу, могутъ еще прекращаться и измѣняться дѣла служенія общественнаго: но любовь должна быть чувствомъ не престающимъ, какъ чувство долга, не уплаченнаго и не уплатимаго по конецъ жизни. Какъ въ деревѣ, хотя каждый годъ снимаютъ съ него извѣстную мѣру плодовъ, какъ дань, сила жизни остается и послѣ, какъ основаніе будущаго плодоношенія: такъ и любовь неизмѣнно пребывать должна въ сердцѣ истиннаго служителя отечеству, при всемъ обиліи видимыхъ дѣлъ. Не будемъ же обольщать себя, бр.! — Если союзъ общества въ любви, и служеніе ему учитъ любви: то, наоборотъ, каждое служеніе ему истинную цѣну свою должно получать только отъ присутствія въ немъ любви. Дѣло служенія внѣшнее нельзя почитать худымъ; не должно однакожъ думать, что оно-то и есть все, чѣмъ обязаны мы обществу. Помнить должно, что мы дѣйствуемъ предъ Господомъ, Котораго *се есть завѣщаніе, да любимъ другъ друга* (1 Іоан. 3, 11), и Который, ввѣряя служеніе другимъ для

укрѣпленія любви, не оправдаетъ тѣхъ, кои успѣли охладить ее симъ служеніемъ, а еще менѣе тѣхъ, кои самое служеніе обращаютъ въ случай къ дѣламъ, противнымъ любви.

Итакъ, *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется*, и повинуется Господа ради, да воздаетъ всѣмъ должная, никому ничѣмъ не оставаясь должною, кромѣ любви. Въ этомъ сокращенно содержатся всѣ наши обязанности къ Богу, ближнимъ и себѣ самимъ. Потому благочестно надѣяться должно, что плодъ служенія отечеству столько же великъ, сколько велика награда благочестію и добродѣтели. Только надобно влагать въ сіе служеніе и истинный духъ. Въ однихъ дѣлахъ службы внѣшнихъ можетъ и не быть сего духа, какъ нѣтъ жизненнаго духа въ часахъ, исправно идущихъ. Служащій безъ истиннаго духа въ сердцѣ есть хорошо изваянная статуя изъ холоднаго и мертваго вещества. Онъ то же въ обществѣ, что мертвая часть въ тѣлѣ, которая носится другими членами и обращается туда, куда направляется все тѣло.—Итакъ, бр., молясь нынѣ о благосостояніи отечества нашего, при молитвѣ о здравіи благовѣрнаго Государя, великаго Князя Константина Николаевича, помолимся и о томъ, да ниспослетъ намъ Господь истинный духъ служенія Царю и отечеству, чтобы благоденствіе его было прочно и непоколебимо. Что же въ семъ дѣлѣ зависитъ отъ насъ, сами предложимъ отъ себя, какъ жертву на алтарь отечества, чтобы съ сего алтаря она вознеслась однакожъ и къ престолу Божію: это самоотверженное повиновеніе, благочестіе и любовь.—Аминь.

Въ день рожденія благовѣрнаго Государя, великаго Князя Константина Николаевича.

2.

Благодареніе и преданность Богу и заповѣдей Его храненіе суть источники благоденствія народа.

Блаженъ языкъ, емуже есть Господь Богъ его, люди, яже избра въ наслѣдіе Себѣ (Пс. 32, 12).

Имѣть единаго истиннаго Бога своимъ Богомъ, именоваться и быть Божіимъ: вотъ единственно прочное и незыблемое основаніе величія и благоденствія для всякаго народа! *Блаженъ* народъ, *егоже избралъ и пріялъ* Господь (Пс. 64, 5). *Блажени людіе, имже Господь Богъ ихъ* (Пс. 143, 15). Но, бр., проходя мыслію по всему, что сдѣлалъ для насъ Господь, мы не можемъ не исповѣдать особеннаго къ себѣ Божія благоволенія, особеннаго избранія и покрова. Сколько милостей пріемлемъ мы отъ руки Его! Онъ возводитъ на престолъ нашъ Царей мудрыхъ и святыхъ, благословляетъ оружіе наше, избавляетъ насъ отъ насилій, наказываетъ, но съ милостію. Онъ утвердилъ въ насъ единомысліе и единодержавіе, оградилъ мудрыми учрежденіями; расширилъ предѣлы наши и въ нѣдрахъ земли нашей сокрылъ для насъ источникъ довольства, и изобилія; а теперь благословляетъ насъ долгимъ миромъ и радуетъ надеждою продолженія его; но, что всего выше и многоцѣннѣе, Онъ даровалъ намъ единую истинную, святую вѣру, благоволилъ въ насъ устроить домъ Себѣ, святую Церковь, имѣющую неизреченныя обѣтованія, благословилъ вѣру и вѣрующихъ, оградивъ ея истину, какъ несокрушимѣйшимъ оплотомъ, прославленіемъ исповѣдавшихъ ее въ нетлѣнныхъ и чудотворныхъ мощахъ ихъ. Всѣми такими благодѣяніями не показываетъ ли

Господь, что Онъ есть Богъ нашъ, спасаяй насъ? Потому для прочности нашего благосостоянія, что другое остается намъ пожелать, кромѣ того, чтобъ Господь не лишалъ насъ и впредь милости Своей, не отвергалъ насъ отъ лица Своего, не отвращалъ очей Своихъ отъ насъ? И такому желанію всего естественнѣе во всей силѣ обнаруживаться нынѣ, когда, торжествуя въ честь Государя Наслѣдника, мы богаты усердною готовностію содѣйствовать всѣмъ благу отечества своего. Какъ же сдѣлать, чтобы Господь, пріявшій насъ къ Себѣ, не переставалъ содержать насъ въ любви Своей? Чѣмъ заслужить, чтобъ Онъ не измѣнялъ лица и десницы Своей въ отношеніи къ намъ?

Св. Царь и Пророкъ Давидъ, желая удержать народъ свой въ милости Божіей, пространною пѣснію убѣждаетъ его, чтобъ, подобно отцамъ своимъ, не былъ и онъ родомъ строптивымъ и преогорчевающимъ, (или неблагодарнымъ), родомъ неправымъ въ сердцѣ своемъ и не ввѣряющимъ Богу духа своего, а напротивъ, памятовалъ бы непрестанно дѣла Божіи, на Бога единаго полагалъ упованіе свое и ходилъ въ заповѣдяхъ Его. *Да положатъ*, говоритъ, *на Бога упованіе свое, и не забудутъ дѣлъ Божіихъ, и заповѣди Его взыщутъ: да не будутъ якоже отцы ихъ, родъ строптивъ и преогорчеваяй, родъ иже не исправи сердца своего, и не увѣри съ Богомъ духа своего* (Пс. 77, 7. 8). То есть, онъ убѣждаетъ ихъ къ благодарности, преданности Богу и исполненію заповѣдей. Вотъ чѣмъ и мы можемъ удержать за собою милость Божію, чѣмъ продлить и упрочить благосостояніе своего отечества!

Это, во-первыхъ, благодарнымъ исповѣданіемъ милостей Господнихъ. Столько получили и получаемъ мы благъ отъ Господа: возблагодаримъ же Его, и Онъ не

сократитъ для насъ руки Своей благодѣющей. Благодарность всегда привлекаетъ новыя милости, а неблагодарность лишаетъ и тѣхъ, кои уже получены. Возблагодаримъ, исповѣдуя Его единымъ, благимъ и богатымъ въ милостяхъ: ибо Господу, Коего земля и исполненіе ея, что воздадимъ о всѣхъ, яже воздаде намъ, кромѣ исповѣданія, что не ради правдъ нашихъ, но единственно по богатой милости Своей, Онъ столько ущедрилъ насъ? Сію истину любитъ Господь и смиренный народъ, въ сердцѣ котораго Онъ почиваетъ, дѣлаетъ сосудомъ непрестанныхъ Своихъ благословеній: какъ напротивъ, всякій народъ, не воздающій славу Ему и мечтающій, будто онъ своимъ умомъ и своею силою благоденствуетъ и возвышается, караетъ и постыждаетъ. Такъ возмечталъ о себѣ народъ Ассирійскій; и Господь тогда же осудилъ его за величаніе устами Пророка своего Исаіи, который говоритъ: *послетъ Господь Саваоѳъ на твою честь безчестіе, и на твою славу огнь горя возгорится.* За что же? *Рече бо: крѣпостію руки моея сотворю, и премудростію разума (моего) отыму предѣлы языковъ, и силу ихъ плѣню. Еда прославится сѣкира безъ сѣкущаго* (Ис. 10, 16. 13. 15)! Возгордился Вавилонъ и вскорѣ услышалъ судъ Божій: *Ты реклъ еси во умѣ твоемъ: на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, сяду на горѣ высоцѣ, на горахъ высокихъ, яже къ сѣверу: взыду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему. Нынѣ же во адъ снидеши, и во основанія земли... и положу Вавилона пуста* (Ис. 14, 13. 14. 15. 23). То же потерпѣлъ и Египетъ; *будетъ,* говоритъ Господь, *земля Египетска въ погибель и въ опустѣніе* (Іезек. 29, 9). Чего же ради? *Того ради сія глаголетъ Господь: понеже былъ еси великъ величествомъ* твоимъ, *и далъ еси властъ свою въ средину облакъ: и вознесеся сердце его въ высотѣ*

его, и видѣхъ, егда вознесеся: и предахъ его въ руцѣ князя языческаго (Іезек. 31, 10. 11). Такова же участь и всякаго народа, который не признаетъ руки Божіей въ своемъ благоденствіи и не исповѣдуетъ Его щедротъ. Исповѣдаемся же нынѣ Господу и скажемъ Ему во исповѣданіи своемъ: *не мечемъ своимъ,* Господи, *наслѣдили мы землю* сію, *и не мышца наша спасла насъ: но десница Твоя, и мышца Твоя, и просвѣщеніе лица Твоего, яко благоволилъ еси въ насъ. Ты еси Самъ Царь нашъ и Богъ нашъ, заповѣдаяй спасеніе наше.—Спаслъ бо еси насъ отъ стужающихъ намъ, и ненавидящихъ насъ посрамилъ еси. О* Тебѣ *Боже похвалимся весь день, и о имени Твоемъ исповѣмыся во вѣкъ* (Пс. 43, 4. 5. 8—9).

Во-вторыхъ, всецѣлою преданностію святой и премудрой волѣ Божіей. Доселѣ благословлялъ насъ Господь и благословеніемъ Своимъ возвелъ до того благосостоянія, которымъ наслаждаемся нынѣ. Но что будетъ съ нами впредь? Что ожидаетъ насъ напослѣдокъ? Ущедрялъ насъ Господь благами Своими: но продолжитъ ли и еще щедроты сіи? Не отставитъ ли милость Свою отъ насъ? Не сократитъ ли руки Своей? Видимъ, что Господь возлюбилъ насъ, сотворилъ въ языкъ великій, избралъ Себѣ въ часть, какъ нѣкогда Израиля: но *или не иматъ власти скудельникъ на бреніи, отъ тогожде смѣшенія сотворити овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь* (Рим. 9, 21)? Кто положитъ предѣлы благости Божіей, или уставъ независимому Божію міроправленію? Несомнѣнно, что все отъ Господа будетъ устроятъся къ нашему благу истинному, вѣчному: ибо Онъ благъ, и милость Его вѣчна. Но какъ пріидетъ къ намъ благо сіе? Радостію или слезами оно будетъ сѣяно? Среди бурь или въ тишинѣ будетъ расти и умножаться? Видимыми или сокровенными путями сохранится и пре-

будетъ въ насъ? Поймемъ ли мы сіи пути Господни? Не отрѣемъ ли рукъ Божіихъ по невѣдѣнію, или своенравію? Будущее сокрыто отъ насъ, а прошедшее научаетъ, что въ судьбахъ народовъ все строится не столько по усмотрѣнію и предположеніямъ человѣческимъ, сколько по неисповѣдимому водительству Божію. Касательно его даже при самыхъ очевидныхъ основаніяхъ полагать рѣшительныя опредѣленія не смѣетъ человѣческая мудрость. *Кто отъ человѣкъ познаетъ совѣтъ Божій; или кто помыслитъ, что хощетъ Богъ; Помышленія бо смертныхъ боязлива* (Прем. 9, 13). Пусть есть и довольство, и хорошія учрежденія, и опытная мудрость, и много силы: но не въ семъ окончательная надежда. *Суетно спасеніе человѣческо* (Пс. 59, 13). *Не спасется Царь многою силою, и исполинъ не спасется множествомъ крѣпости своея: ложъ конь во спасеніе, во множествѣ же силы своея не спасется* (Пс. 32, 16. 17). Гдѣ же спасеніе? Гдѣ прочное основаніе надежды? *Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи: аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣ стрегій* (Пс. 126, 1). *О Бозѣ*, и только о единомъ Бозѣ, *сотворимъ силу* (Пс. 59, 14). Итакъ, мудрому, ищущему прочнаго счастія и благоденствія, народу все упованіе свое возложить должно на Бога, и всецѣло предать себя въ Его святую и премудрую волю. Ибо *надѣющійся на Господа, яко гора Сіонъ* (Пс. 124, 1). Тамъ вся сила, гдѣ благоволеніе Божіе; но Господь *не въ силѣ констѣй восхощетъ, ниже въ лыстѣхъ мужескихъ благоволитъ: благоволитъ Господь въ боящихся Его, и въ уповающихъ на милость Его* (Пс. 146, 10. 11). Да *чаетъ же душа наша Господа помощника и защитителя* своего, и да взываетъ къ Нему непрестанно въ чаяніи своемъ: *буди, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя*

(Пс. 32, 22). *О Тебѣ враги наша избодемъ-роги, и о имени Твоемъ уничижимъ востающія на ны. Не на лукъ свой уповаемъ, и мечъ нашъ не спасетъ насъ* (Пс. 43, 6. 7). *Сіи на колесницахъ, и сіи на коняхъ: мы же во имя Господа, сотворшаго небо и землю* (Пс. 19, 8; 120, 2).

Въ-третьихъ, исполненіемъ заповѣдей Божіихъ. Полагая себя въ руки Божіи всецѣлою преданностію Его премудрой и святой волѣ, мы не должны однакожъ сами предаваться безпечности непростительной, или еще хуже—дѣятельности преступной. Одинъ Господь знаетъ, какъ и куда повести насъ: однакожъ несомнѣнно, что будущее Его водительство совершенно будетъ сообразоваться съ настоящимъ нашимъ, угоднымъ или неугоднымъ Ему, состояніемъ. Господь будетъ къ намъ таковъ, каковы мы къ Нему. *Съ преподобнымъ преподобенъ будеши*, взываетъ къ Нему Пророкъ, *съ мужемъ неповиннымъ неповиненъ будеши, и со избраннымъ избранъ будеши, и со строптивымъ развратишися* (Пс. 17, 26. 27). Что же сотворимъ? Будемъ творить то, что заповѣдовалъ Господь. Чрезъ Пророка Своего Моусея Онъ сказалъ возлюбленному народу Своему: *аще слухомъ послушаеши гласа Господа Бога твоего, хранити и творити вся заповѣди Его... пріидутъ на тя вся благословенія сія, и обрящутъ тя... Благословенъ ты во градѣ, и благословенъ ты на селѣ: благословена исчадія чрева твоего, и плоды земли твоея, и стада воловъ твоихъ, и паствы овецъ твоихъ... благословенъ ты, внегда входити тебѣ, и благословенъ ты, внегда исходити тебѣ.—Аще* же *не послушаеши гласа Господа Бога твоего, хранити и творити заповѣди Его... пріидутъ на тя вся клятвы сія, и постигнутъ тя. Проклятъ ты во градѣ, и проклятъ ты на селѣ: прокляты житницы твои, и останки твои: проклята исчадія утробы твоея, и плоды земли твоея,*

стада воловъ твоихъ, и паствы овецъ твоихъ: проклятъ ты, внегда входити тебѣ, и проклятъ ты, внегда исходити тебѣ (Втор. 28, 1—4, 6. 15—19). Итакъ, желаемъ ли благоденствовать, будемъ творить заповѣди. Хожденіе въ волѣ Божіей есть единственное основаніе народнаго счастія. Безъ сего и упованіе наше будетъ постыждено, и молитва не принесетъ плода своего. Ибо смотрите, что говоритъ Господь къ Израилю: *не приходите явитися Ми.—Егда прострете руки ваша ко Мнѣ, отвращу очи Мои отъ васъ: и аще умножите моленіе, не услышу васъ: руки бо ваша исполнены крове* (Ис. 1, 12. 15). Въ другое время хотѣлъ молиться объ нихъ Пророкъ Іеремія; но Господь предупреждаетъ его: *не молися о людехъ сихъ, и не проси, еже помилованнымъ быти имъ, и не моли, ниже приступай ко мнѣ о нихъ, яко не услышу тя.* За что же? За преступленіе воли Его. *Слово заповѣдахъ имъ, рекій: услышите гласъ Мой, и буду вамъ въ Бога, и вы будете Мнѣ въ люди, и ходите во всѣхъ путехъ Моихъ, въ нихже повелѣхъ вамъ, да благо будетъ вамъ. И не услышаша Мене, и не внятъ ухо ихъ: но поидоша въ похотехъ и строптствѣ сердца своего лукаваго. Се гнѣвъ и ярость Моя ліется на мѣсто сіе* (Іер. 7, 16. 23. 24. 20). Ярость и гнѣвъ за беззаконія на цѣлый народъ! Таковъ законъ народоправленія Божія: и онъ всегда въ точности былъ соблюдаемъ, особенно же въ отношеніи къ народу Израильскому. Ибо всякій разъ, какъ онъ забывалъ Бога истиннаго и предавался порокамъ, испытывалъ казнь за казнію, пока, будучи вразумленъ, познавалъ истину и отступалъ отъ неправдъ своихъ.

Такъ во времена Пророка Исаіи Израиль отвратился вспять, оставилъ Господа въ сердцѣ своемъ: и за то самъ былъ оставленъ Господомъ. *Увы языкъ грѣшный,*

взываетъ къ нимъ Пророкъ, *остависте Господа... отвратистеся вспять.*—Сего ради *оставится дщерь Сіоня, яко куща въ виноградѣ, и яко овощное хранилище въ вертоградѣ, яко градъ воюемый* (Ис. 1, 4. 8). Умножились во Израили богатѣющіе съ забвеніемъ Бога и правды Его, распространилась роскошь, учащались пированія: и вотъ что говоритъ на нихъ Господь: *Горе совокупляющимъ домъ къ дому, и село къ селу приближающимъ, да ближнему отымутъ что.—Горе востающимъ заутра, и сикеръ гонящимъ, ждущимъ вечера: вино бо сожжетъ я:—съ гусльми бо, и пѣвницами, и тимпаны, и свирѣльми вино піютъ, на дѣла же Господня не взираютъ, и дѣлъ руку Его не помышляютъ* (Ис. 5, 8. 11. 12). Предались Израильтяне жизни разсѣянной, шумнымъ увеселеніямъ, тщеславной пышности,—и *сія глаголетъ Господь: понеже вознесошася дщери Сіони, и ходиша высокою выею, и помизаніемъ очесъ, и ступаніемъ ногъ, купно ризы влекущія, и ногама купно играющія. И смиритъ Господь начальныя дщери Сіони, и Господь открыетъ срамоту ихъ... и отыметъ Господь славу ризъ ихъ, и красоты ихъ, и вплетенія златая (на главѣ)... и красоту лица ихъ, и состроеніе красы славныя... и перстни и мониста... и будетъ вмѣсто вони добрыя смрадъ, и вмѣсто пояса ужемъ преполшешися* (Ис. 3, 16—19. 23). Возлюбили Израильтяне блескъ, пышность, величаніе: *наполнися страна ихъ сребра и злата, и не бяше числа колесницъ ихъ.* Что же Господь? *Не претерплю имъ,* говоритъ Господь. *Смирится высота человѣческая, и вознесется Господь единъ.—День бо Господа Саваоѳа на всякаго досадителя, и горделиваго, и на всякаго высокаго, и величаваго, и смирятся* (Ис. 2, 7. 9, 11. 12). Позволили себѣ Израильтяне мудрствовать развращенная, и вмѣсто здравыхъ словесъ Господнихъ возглашать свои умство-

ванія: и вотъ имъ судъ: *Горе глаголющимъ лукавое доброе, и доброе лукавое, полагающимъ тму свѣтъ, и свѣтъ тму, полагающимъ горькое сладкое, и сладкое горькое.— Горе иже мудри въ себѣ самихъ и предъ собою разумни.— Сего ради якоже сгоритъ тростъ отъ углія огненнаго, и сожжется отъ пламене разгорѣвшагося, корень ихъ яко перстъ будетъ, и цвѣтъ ихъ яко прахъ взыдетъ: не восхотѣша бо закона Господа Саваова, но слово Святаго Израилева раздражиша* (Ис. 5, 20—21. 24).

Таковы непреложные суды правды Божіей! Итакъ, какой есть народъ *хотяй животъ, любяй дни видѣти благи:—Уклонися отъ зла, и сотвори благо* (Пс. 33, 13. 15). Бѣгай роскоши и всѣхъ чувственныхъ наслажденій, удаляйся любостяжанія и неправедныхъ прибытковъ, будь смиренномудръ и правдолюбивъ, возлюби Бога всѣмъ сердцемъ твоимъ, и святой вѣрѣ Его будь преданъ всею душею. Господь не сокрылъ, что особенно привлекаетъ гнѣвъ Его, и основанія судовъ Своихъ изобразилъ въ словѣ Своемъ для того именно, чтобъ всѣ послѣдующіе роды видѣли, какими путями ходить должно и какихъ уклоняться. Итакъ, вотъ къ чему обязываетъ насъ наша любовь къ отечеству! Вотъ чѣмъ можемъ мы засвидѣтельствовать искренность своего ему благожеланія и готовность содѣйствовать общему его благу! Благодарнымъ исповѣданіемъ милостей къ намъ Божіихъ, преданностію Его премудрой и святой волѣ и ревностнымъ исполненіемъ Его заповѣдей. Господь благословилъ насъ въ прошедшемъ: не будемъ прогнѣвлять Его своими беззаконіями, и Онъ не оставитъ милости Своей отъ насъ и на будущее. Исповѣдаемся же Ему въ благодареніи и, всецѣло предавъ себя въ Его волю, возобновимъ рѣшительное намѣреніе жить свято и неуклонно по спасительнымъ Его запо-

вѣдямъ. *Пріидите*, бр., въ знаменитый день сей, *возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу, Спасителю нашему: предваримъ лице Его во исповѣданіи. Яко Той есть Богъ нашъ: Той сотвори насъ, а не мы: мы же людіе Его и овцы пажити Его* (Пс. 94, 1. 2. 7; 78, 13). Но при семъ, слыша гласъ, призывающій къ закону Божію, не ожесточимъ сердецъ нашихъ: не дадимъ въ себѣ мѣста беззаконіямъ. Любя отечество въ Господѣ, *возненавидимъ злая:* и Господь *сохранитъ души* наша *и изъ* всякой *руки грѣшничи избавитъ* насъ (Пс. 96, 10). Аминь.

Въ день тезоименитства Его Императорскаго Высочества, благовѣрнаго Государя Цесаревича и великаго Князя Николая Александровича.

3.

Какъ добрая жизнь, — исправная, есть крестоношеніе спасительное.

Празднуя Воздвиженію честнаго и животворящаго креста, благочестно поклоняемся сему великому знамени нашего спасенія. Злоба, невѣжество и нечестіе сокрыли было его въ землѣ и заметали всякимъ соромъ и нечистотою,—вѣра же и благочестіе обрѣли его и представили чествованію всего Христіанскаго міра. Исповѣдуемъ милость Божію, явленную въ семъ дѣйствіи благоволенія Его къ намъ, и воздвиженнымъ горѣ сердцемъ славословимъ Господа.

Но, бр., такъ располагаясь къ торжеству Церкви, не забудемъ и себя. Крестъ Господень—слава всего Христіанскаго рода; слава же каждаго изъ насъ—въ нашихъ крестахъ. Крестомъ Господнимъ содѣлано спасеніе всего міра, спасеніе каждаго изъ насъ пріемлется отъ кре-

ста Господня собственнымъ каждаго крестомъ. Чего ради и говоритъ Господь: кто хочетъ спасенъ быть, да *возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Марк. 8, 34).

Взять крестъ—значитъ имѣть его воздвиженнымъ на себѣ. Итакъ, хочетъ ли кто спасительно нести крестъ, да держитъ его воздвиженнымъ. Ибо какъ крестъ Господенъ былъ брошенъ въ ровъ и закиданъ соромъ: такъ и собственные наши кресты могутъ быть сброшены презорствомъ и закиданы небреженіемъ. И тогда не спасеніе, а пагубу принесетъ намъ такое отношеніе ко кресту, хотя можетъ иному показаться, что онъ тѣмъ спасаетъ душу свою.

Обратимся же, бр., къ себѣ, и посмотримъ, въ какомъ положеніи крестъ нашъ? Стоитъ ли воздвиженъ или долу поверженъ и попирается съ небреженіемъ?— Всяко вопросите при семъ: да что такое крестъ нашъ и изъ чего онъ слагается?

Крестъ нашъ слагается изъ всего, что безпокоитъ и тяготитъ духъ нашъ и что терзаетъ сердце наше на правомъ пути нашемъ къ Господу, во всѣ дни жизни нашей.

1) Это прежде всего немощи естества нашего и худыя направленія силъ его: недалекость ума и незрѣлость соображеній, отсутствіе энергіи въ волѣ и неподвижность ея на дѣла долга, вялость чувствъ и падкость ихъ на недолжное, паче же исчадія самости нашей—полчища страстей и всякаго рода похоти плоти. — Пробудившійся духъ видитъ все сіе въ себѣ, тяготится тѣмъ и несетъ на себѣ, какъ преступникъ, коему въ наказаніе на плечи привязанъ тлѣющій трупъ. Это крестъ падшаго человѣчества, или одинъ конецъ креста нашего!

2) Вторый конецъ креста нашего составляютъ всѣ

труды и непріятности житейскія. Ищемъ довольства, добрыхъ отношеній ко всѣмъ и благопріятнаго теченія дѣлъ нашихъ. Но во всѣхъ сихъ сторонахъ жизни нашей поминутно почти происходитъ разстройство скорбное, а иногда и бѣдственное. Желая избыть непріятности, боремся съ противленіями, и животъ свой длимъ, похоже на то, какъ кто идетъ среди терна и шиповниковъ,—то и дѣло зацѣпки и царапины!—Это крестъ житейскій.

3) Третій рогъ креста слагается изъ трудовъ по исполненію обязательныхъ для насъ дѣлъ. Каждый изъ насъ обложенъ своими обязанностями. Каждая обязанность имѣетъ свой кругъ дѣлъ, въ коихъ исполняется. Каждое дѣло требуетъ труда и терпѣнія въ доведеніи его отъ начала до конца—въ томъ духѣ, порядкѣ и полнотѣ, какія составляютъ его существо,—съ преодолѣніемъ всѣхъ неизбѣжно сопряженныхъ съ нимъ препятствій. Выходитъ, что всякое обязательное для насъ дѣло есть ноша, а всѣ они въ совокупности составляютъ не легкое иго долга, которое несемъ и нести должны до гроба. — Это назовемъ крестомъ служебнымъ Господу, обществу и ближнимъ нашимъ.

Никого на свѣтѣ нѣтъ, кто бы не былъ обложенъ сими крестами, или однимъ своимъ крестомъ трехсоставнымъ. Но одни несутъ сей крестъ во спасеніе, а другіе на пагубу себѣ. Господь, возлагая на насъ крестъ, хочетъ, чтобы мы спасеніе свое содѣвали имъ,—и если кто, усиливаясь свергнуть крестъ, уязвляется имъ на смерть, вина—въ его неразуміи и невниманіи къ попечительнымъ указаніямъ спасающей насъ благости Божіей. Именно—Господь хочетъ, чтобъ, борясь съ собою, мы пріобрѣтали опытность въ разсужденіи добра и зла и очищались,—чтобъ, терпѣливо неся тѣсноту

житейскую, смиреніемъ преклоняли Бога на милость и сподоблялись помилованія,—чтобъ, исполняя долгъ свой съ преодолѣніемъ всѣхъ трудностей, достойно стяжевали вѣнецъ правды. Итакъ, когда входя въ сіи благія намѣренія Божіи, мы держимъ себя въ такомъ именно отношеніи ко кресту своему; то спасительно несемъ его; въ противномъ же случаѣ крестъ нашъ не во спасеніе намъ, а въ пагубу.

Палъ человѣкъ и принялъ въ себя сѣмена несовершенствъ, страстей и неправыхъ движеній плоти. Но духъ его, вѣдущій свое высокое назначеніе, остался цѣлъ въ немъ. Дѣло его—бороться съ привившимся зломъ.—Самъ онъ безсиленъ; но Господь даровалъ намъ въ помощь спасительныя учрежденія во св. вѣрѣ Христовой. Кто, просвѣщаясь вѣрою и пріемля въ таинствахъ спасительныя силы, борется со страстьми и похотьми посредствомъ внутреннихъ и внѣшнихъ подвиговъ, чтобъ, умертвивши ихъ, взойти къ первоначальной чистотѣ: тотъ спасительно несетъ крестъ падшаго человѣчества. Кто же, напротивъ, самъ предается страстямъ и похотямъ, тотъ уязвляется ихъ ядотворностію и гибнетъ. Надо бы распять страстнаго человѣка въ себѣ, а они себя распинаютъ на немъ. Истина о Христѣ Іисусѣ состоитъ въ томъ, чтобы *отложити ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ, и облещися въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. 4, 22. 24),—а они, превращая истину Божію во лжу, *ходятъ въ суетѣ ума и предаютъ себя студодѣянію въ дѣланіе всякой нечистоты въ лихоиманіи* (Еф. 4, 17. 19).

Жилъ бы человѣкъ въ раю безъ нужды и непріятностей—свободно и во всемъ обиліи; но потерялъ рай, и впалъ въ тѣсноту, можно сказать, обязательную до

того, что избирающіе широту идутъ въ пагубу. Сколько трудовъ и потовъ нужно, чтобъ имѣть пищу, одежду, кровъ, безопасность отъ внѣшнихъ, миръ со всѣми, даже при благопріятномъ теченіи дѣлъ? А что испытываетъ человѣкъ, когда тяготятъ бѣдность, неудачи, бѣды и скорби?! Тѣснота житейская есть неотлучная спутница жизни нашей, которую приставилъ къ намъ Господь за прародительское преступленіе. Оказались мы недостойными льготъ райскихъ, и осуждены нести тяготу жизни земной, чтобъ тѣснотами извлекать изъ сердца воздыханія о раѣ и смиреніемъ преклонять правду Божію на милость. Тѣсно, но въ твоей власти извлечь спасеніе изъ сей тѣсноты. Трудись добросовѣстно, иждивай умѣренно, дѣлись дружелюбно, бѣгай чуждоприсвоенія, терпи благодушно, паче же, въ покаяніи и Богопреданности, неси сей крестъ житейскій, какъ заслуженное наказаніе и мѣру исправленія, — и онъ послужитъ тебѣ во спасеніе. Лѣность, хищеніе всѣхъ родовъ, роскошь, погрязновеніе въ суету, забвеніе подназанности, паче же ропотъ и богохульное отчаяніе, не снимая сего креста, спасительность его отнимаютъ—и бываютъ причиною того, что онъ подавляетъ человѣка и стираетъ подъ своею тяжестію.

Мы ниспали въ худшее — и внутренно и внѣшно; но существа и значенія своего не потеряли. Богъ создалъ человѣка праваго, на правоту и чистоту дѣйствій. И по паденіи Премудрый признаетъ таковымъ истиннаго человѣка, говоря: *Бога бойся, и заповѣди Его храни: яко сіе всякъ человѣкъ* (Еккл. 12, 13). И Апостолъ во Христѣ Іисусѣ созерцаетъ человѣка созданнымъ *на дѣла благая, да въ нихъ ходитъ* (Еф. 2, 10). Поприще добрыхъ дѣлъ—положеніе каждаго. Отецъ или мать, дѣти, братья, сестры, слуга, воинъ, писецъ, судья, дѣвы и

юноши, замужніе и вдовицы, купующій и продающій, начальникъ и подчиненный, учитель и ученикъ. клиръ и прихожане—всѣ обложены заповѣдями. Не ходи за море, чтобъ встрѣтиться съ обязательными для тебя дѣлами. Близъ ти есть глаголъ. Каждое движеніе твое обложено закономъ. Смотри подъ ноги и ступай право.— Кажется,—это иго, связующее и тяготящее, но такъ устроилъ Господь, чтобы ни одинъ шагъ нашъ не пропалъ даромъ, и чтобъ, потрудившись, мы могли получить вѣнецъ правды, егоже уготова Богъ любящимъ Его.—Терпѣливо пребывай въ исполненіи обязательныхъ для тебя дѣлъ,—т. е. и каждое дѣло веди добросовѣстно отъ начала до конца, и всю жизнь посвяти на вѣрность долгу,—вѣдая, что зритъ тебя Законоположникъ и, какъ раба благаго и вѣрнаго, введетъ въ радость Свою.—Такъ несутъ крестъ долга во спасеніе; небрегущіе же о дѣлахъ, имъ порученныхъ, погибнутъ съ дѣлающими беззаконіе.

Сокращу теперь все: намѣреніе Божіе въ обложеніи насъ крестами таково, чтобъ, борясь со страстьми и похотьми посредствомъ подвиговъ внутреннихъ и внѣшнихъ и благодушно снося тѣсноту житейскую, терпѣливо пребывали мы въ исполненіи долга своего, каждый въ своемъ кругу, и такимъ образомъ содѣлывались достойными внити въ вѣчный покой. Если такъ несемъ и мы крестъ свой; то онъ воздвиженъ у насъ. Если отступаемъ отъ сего, то онъ поверженъ у насъ долу и попирается ногами. Или, нѣтъ,— не такъ я сказалъ,— куда свергнешь крестъ? Онъ такъ присталъ къ намъ, какъ кожа къ плоти нашей. Хотимъ или не хотимъ, крестъ все на насъ, и мы подъ крестомъ. Отъ насъ зависитъ только спастись съ симъ крестомъ или погибнуть подъ нимъ.—Изберемъ же лучшее и, взявши крестъ

свой, пойдемъ благодушно въ слѣдъ Господа, благодаря Его великую къ намъ милость, являемую наложеніемъ креста. Ибо какъ пластырь на раны, какъ пища голодному, какъ ключъ къ свободѣ заключенному, такъ крестъ нашъ—намъ. И таковъ для насъ тотъ только именно крестъ, который на насъ возложенъ. У каждаго--свой крестъ и каждому во спасеніе—только его крестъ. Не завидуй другому, почитая крестъ его болѣе легкимъ. Ибо вѣса креста никто не можетъ знать, кромѣ несущаго. То несомнѣнно, что какой не возьми, никакой не пригожъ тебѣ, кромѣ твоего. Припомните то сказаніе, какъ одинъ крестоносецъ докучалъ все Господу въ молитвахъ, прося Его перемѣнить крестъ, который казался ему очень тяжелымъ. Господь, во снѣ ему явившись, предложилъ ему множество крестовъ, позволяя избрать, какой хочетъ. Но какой ни возлагалъ онъ на себя, все онъ какъ-нибудь ни приходился по немъ. Пришелся только послѣдній; но это былъ тотъ самый, который и возложенъ былъ на него Господомъ. Успокоенный тѣмъ, онъ уже не колебался болѣе благодушно нести крестъ свой.—Такъ и всѣмъ намъ покориться лучше распоряженію Божію. Не крестъ выбирать должно, а способъ, какъ имъ воспользоваться. Возьми возложенный, и неси по указанію Божію.—Господь лучше насъ знаетъ, и какую широту долга опредѣлить намъ, и какую тяготу житейскую возложить на насъ, и въ какую борьбу и какія искушенія вводить насъ. Покорись и безропотно шествуй подъ своимъ крестомъ,—объ одномъ заботясь: да будетъ сіе крестоношеніе во славу Божію и спасеніе твое. Аминь.

Въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня.

4.

Благочестіе и добродѣтель—свидѣтельство присутствія въ насъ Св. Духа.

Духъ Святый, сошедши на Божественныхъ Учениковъ и Апостоловъ, уже не взимался отъ нихъ, но пребылъ въ нихъ, а чрезъ нихъ и во всѣхъ вѣрующихъ словеси ради ихъ. По обѣтованію Господа, Ему подобаетъ пребыть съ нами во вѣки, какъ Духу истины, просвѣщающему насъ вѣдѣніемъ, и Духу святыни, укрѣпляющему на всякое добро. Посему изобильно изливается Онъ на всякую душу вѣрующую, чрезъ Божественныя Таинства, и при самомъ вступленіи въ число вѣрующихъ и во все время житія и дѣйствованія среди нихъ; такъ что одухновленіе и духоносность составляютъ отличительную черту Христіанъ. Вотъ почему Апостолъ Павелъ всѣхъ вѣрующихъ называетъ пріявшими обрученіе Духа (2 Кор. 1, 22), и духоносцами, говоря: *или не вѣсте, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ?* (1 Кор. 3, 16).

Великое, бр., имѣемъ мы въ семъ преимущество предъ всѣми, невѣдущими Господа,—Духа не имѣть есть то же, что быть мертвымъ, а имѣть Духа значитъ быть живу.— Мы изъ мертвыхъ живы; ибо насъ, мертвыхъ прегрѣшеньми, Богъ милостивый оживляетъ во Христѣ дарованіемъ намъ Духа Святаго.—Слава Тебѣ, человѣколюбче Господи!

Но возьмите, бр., во вниманіе и другую сторону сего великаго преимущества!—Духъ жизни не можетъ оставаться несвидѣтельствованнымъ и тѣмъ паче Духъ жизни, о Христѣ Іисусѣ намъ даруемый, яко Духъ Боже-

ственный. Имѣемъ ли мы Духа, о семъ не слѣдуетъ удостовѣрять словомъ; о семъ должно говорить безъ словъ все наше существо, нашъ взоръ, движеніе, дѣло, мысль, чувство. Объясню вамъ это такимъ подобіемъ.— Есть-ли, напр., въ колокольчикѣ мѣдномъ и серебро,— узнаютъ по звуку, и продавцу не бываетъ нужды говорить о томъ: въ семъ удостовѣряетъ самъ звукъ. Равно какъ, если-бъ звукъ не давалъ знать, что есть серебро, никто бы не повѣрилъ тому, сколько бы ни увѣрялъ въ томъ продавецъ. Такъ и у насъ. Свидѣтельство о нашей духовности должно быть не внѣшнее, а наше внутреннее, отражающееся во внѣшнемъ. Почему и заповѣдуетъ Апостолъ: *Аще живемъ духомъ, духомъ и да ходимъ* — (Гал. 5, 25).

Вотъ смотрите, какъ о семъ пишется: *Плодъ духовный есть—любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* —(Гал. 5, 22. 23). Если есть въ насъ такіе плоды Духа, то есть и Духъ, въ насъ обитаетъ и въ насъ дѣйствуетъ. Если же нѣтъ сего, а есть, напротивъ, *прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, студодѣяніе, вражды, рвенія, зависти, ярости, распри, пьянства, безчинны кличи и подобная симъ* (Гал. 5, 19— 21); то нѣтъ мѣста въ насъ Духу Святому.— Мы Его угасили. Вотъ первое свидѣтельство о нашей духовности—совокупность добрыхъ чувствъ и расположеній!

Далѣе говоритъ Апостолъ: тотъ не Христовъ, кто Духа Христова не имѣетъ (Рим. 8, 9). Христовъ же есть тотъ, кто распинаетъ плоть свою со страстьми и похотьми. *Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Распинаніе плоти означаетъ всѣ подвиги самоотверженія и самоумерщвленія и всѣ труды, подъемлемые для угожденія Богу.

Кто такъ стѣсненно живетъ и симъ тѣснымъ и прискорбнымъ шествуетъ путемъ, тотъ имѣетъ Духа, *Духомъ* умерщвляя въ себѣ дѣянія плотская —(Рим. 8, 13). Вотъ второе свидѣтельство о нашей духовности—подвиги самоумерщвленія и самоотверженія!

Третье свидѣтельство о семъ есть отрѣшеніе отъ всего земнаго и устремленіе къ небу и небесному. Если въ насъ Духъ съ неба, то естественно намъ всѣми желаніями и мыслями быть на небѣ и въ духовномъ, а не на землѣ и въ плотскомъ.—Если въ васъ Духъ Господень, говоритъ Апостолъ, то вы не должны уже жить по плоти (Рим. 8, 12. 13).

Вы храмъ Божій, и Духъ Божій живетъ въ васъ, говоритъ тотъ же Апостолъ, и наводитъ изъ сего въ другомъ мѣстѣ: *ищите же вышнихъ... Горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. 3, 1. 2).

Не буду собирать новыхъ свидѣтельствъ: сокращу указанныя!—Итакъ, если кто, разлюбивъ земное и возлюбивъ небесное, обрекаетъ себя на труды самоотверженія для умерщвленія плоти и всего плотскаго, и посредствомъ сего воспитываетъ въ сердцѣ все разнообразіе благихъ чувствъ любви и благочестія,— тотъ несомнѣнно есть духоносецъ. А кто живетъ только для земли и земнаго, кто не любитъ не только подвизаться, но и отказывать себѣ въ чемъ бы то ни было, и не заботится о благоустроеніи своихъ сердечныхъ чувствъ; въ томъ есть-ли Духъ, сами судите.

Сіе привожу вамъ на память, чтобъ или порадовать васъ, или возбудить усыпленную заботу о себѣ и душѣ своей. Ибо что говоритъ Апостолъ: *Сѣяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе: а сѣяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Гал. 6, 8). Изберите же себѣ лучшее.—Думаю и сами все сіе разумѣете и сами

себѣ о томъ проповѣдуете: ибо что значитъ пукъ цвѣтовъ въ рукахъ нашихъ?—Симъ мы свидѣтельствуемъ другимъ и себѣ напоминаемъ, что Духъ Божій дохнулъ въ насъ, обновилъ поле сердца нашего, и оно произрастило пріятные цвѣты добрыхъ чувствъ и расположеній... Сдѣлаемъ же такъ,—чтобъ, какъ показываемъ, такъ и было.

Если есть въ нашемъ пукѣ цвѣтовъ *незабудочка*, этимъ показываемъ мы другимъ, что помнимъ Бога и небесное, говоря въ себѣ: аще забуду тебѣ, Іерусалиме, забвена буди десница моя.— Смотрите же, чтобъ такъ и было.

Если есть у насъ *лилія*, этимъ показываемъ мы, что помнимъ заповѣдь Господа о томъ, чтобъ не заботиться о нарядахъ и хранить чистымъ сердце свое отъ всякой суетности и всякой нечистоты.—Смотрите же, чтобъ и было такъ.

Если есть у насъ *васильки*, этимъ мы показываемъ, что царствуемъ надъ плотію своею и всѣми страстями своими и не попускаемъ, чтобы грѣхъ царствовалъ въ мертвенной плоти нашей.—Смотрите же, чтобъ и было такъ.

Такъ разумѣйте и о другихъ цвѣтахъ.—Всякій изъ нихъ означаетъ какую-либо добродѣтель. Держа сей цвѣтъ, мы показываемъ, что имѣемъ ту добродѣтель и любимъ ее. Такъ и сдѣлаемъ, какъ показываемъ, чтобъ не было лицедѣйства въ поступкахъ нашихъ. Поступая такъ, мы и предъ лицемъ неба и земли засвидѣтельствуемъ, что живемъ Духомъ; ибо и ходимъ Духомъ.

Такъ да будетъ въ насъ,—и тако да славится нами Богъ, въ Троицѣ поклоняемый. Аминь.

Въ день Сошествія Св. Духа.

5.

Порядокъ преуспѣянія въ добродѣтеляхъ.

Нынѣ, 1-е сентября, память преподобнаго Симеона Столпника и матери его Мароы, соборъ Пресвятыя Богородицы въ Міасинѣхъ, святаго мученика Аіфала,— святыхъ мученицъ четыредесяти женъ и учителя ихъ святаго Аммуна—діакона, святыхъ мученикъ Еvода и Ермогена, самобратій, и святыя Каллисты, и праведнаго Іисуса Навина.—

Какой сонмъ святыхъ! И какихъ добродѣтелей образца не представляетъ онъ?! Дѣвство у Матери дѣвства, Пречистыя Владычицы; совершенное самоотверженіе и къ небу устремленіе у преподобнаго Симеона; высокое терпѣніе и твердость вѣры у святыхъ мучениковъ и мученицъ; дружество—у самобратій, преданность Богу у Іисуса Навина.

Тутъ примѣры добродѣтелей;—а *Апостолъ*, нынѣ читанный (Кол. 3, 12—17), въ видѣ заповѣдей представляетъ намъ другое начертаніе союза добродѣтелей, еще болѣе привлекательныхъ и высокихъ. Тутъ заповѣдуется намъ облечься во утробы щедротъ, благость, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе, прощеніе обидъ, любовь — какъ союзъ совершенства, водвореніе мира въ сердцахъ, благодарность, обогащеніе и упремудреніе себя словомъ Божіимъ, духовное пѣніе въ сердцахъ Господу, и гласные псалмы и пѣсни Ему въ устахъ, и, наконецъ, посвященіе всего славѣ имени Господа Іисуса.

Если уподобить добродѣтели цвѣтамъ; то надо сказать: какая восхитительная цвѣтность духовная услаж-

даетъ нынѣ зрѣніе ума нашего! И я хотѣлъ бы сказать: уподобясь пчеламъ, устремитесь на сіи цвѣты духовные и напояйтесь изъ нихъ свойственною имъ сладостію по роду своему.— Но мнѣ другое приходитъ на мысль. Когда, вышедши въ поле, вы встрѣчаете мѣстность, усѣянную цвѣтами, то обычно говорите: поле цвѣтами стелется, какъ коверъ. По подражанію сему присловію — можно сказать, что нынѣ въ примѣрахъ святыхъ дня и въ заповѣдяхъ Апостола разстилается предъ нами коверъ добродѣтелей. И вы, вѣрно, догадываетесь, чего ради я останавливаюсь на сравненіи семъ.— Оно созвучно съ именемъ города вашего, и я не могу считать случайнымъ такого совпаденія въ первое мое посѣщеніе васъ и первое у васъ служеніе.— Напротивъ, вижу въ этомъ обязательное побужденіе сказать вамъ: жители Коврова! перенесите на себя указуемый нынѣшнимъ днемъ и Апостоломъ коверъ добродѣтелей, и украсьтесь ими такъ ярко, чтобы всякій, кому придется видѣть и узнать васъ, съ изумленіемъ взывалъ: по Коврову ковромъ стелятся разнообразные цвѣты добродѣтелей,—чтобъ такимъ образомъ по имени вашему было и житіе ваше.—Какъ это лучше сдѣлать, я предложу вамъ нѣсколько указаній.

1) Убѣждать васъ быть добродѣтельными нахожу излишнимъ. Кто не знаетъ, что нужно быть таковыми,—и кто изъ васъ не обладаетъ своего рода добрыми качествами и дѣлами. Но говорить и напоминать о сочетаніи добродѣтелей и взаимномъ ихъ отношеніи никогда не излишне. Есть и въ добродѣтеляхъ свой порядокъ и свой строй, по коему одна другой не упреждаетъ и одна отъ другой не отстаетъ.—Подобно тому, какъ и между обычными цвѣтами извѣстный цвѣтъ можетъ входить въ сочетаніе только съ извѣстнымъ

цвѣтомъ, и когда не соблюдается это простое правило— сочетаніе цвѣтовъ рѣжетъ глаза. Знатоки въ семъ дѣлѣ доходятъ до изумительныхъ тонкостей.—Подобное же бываетъ и между добродѣтелями;—и упражняющіеся усердно въ стяжаніи ихъ очень тонко различаютъ, какая добродѣтель съ какою вяжется и съ какою не можетъ стоять вмѣстѣ. Уединеннику идутъ свои добродѣтели, семейному — свои, человѣку дѣловому — свои, ремесленнику — свои, и проч. Хоть тутъ сами собою видны дѣла, свойственныя тому или другому, бываетъ однакожъ, что иной забѣгаетъ въ чужой кругъ,—и тѣмъ портитъ дѣло. Если тотъ, кому неизбѣжно много говорить, наложитъ на себя молчаніе, если тотъ, кто нуженъ дома, возревнуетъ преуспѣвать въ странничествѣ, если тотъ, кому нужна тѣлесная сила, зачнетъ постничать подобно строгимъ отшельникамъ, и подобное; то тутъ возмутится порядокъ добродѣланія и непріятно подѣйствуетъ на стороннихъ, изъ коихъ недалекіе въ сужденіяхъ отнесутъ эти нестройности къ самой добродѣтели и ей въ укоръ сіе вмѣнятъ, какъ бы и возможности не было сохранить въ ней никакого порядка.— Возымѣйте сіе во вниманіи!

2) Этотъ законъ приличія извѣстныхъ добродѣтелей извѣстнымъ лицамъ не меньше имѣетъ мѣсто и въ водвореніи добродѣтелей въ одномъ и томъ же лицѣ. Не вдругъ входятъ въ сердце всѣ добродѣтели, а одна за другою. И изъ нихъ есть начальныя, есть подчиненныя, есть какъ бы корни и есть какъ бы вѣтви. Начало всему кладется покаяніемъ; покаяніе приноситъ два плода; въ немъ бросаетъ человѣкъ грѣхи и страсти, коимъ работенъ былъ, и возгарается ревностію успѣть въ добродѣтеляхъ, какъ противныхъ своимъ прежнимъ страстямъ, такъ и во всѣхъ другихъ. Покаявшійся

начинаетъ трудъ добродѣланія въ своемъ кругу и подвигъ боренія со страстьми и похотьми. Въ исполненіи сего онъ вооружается терпѣніемъ, смиреніемъ, самоумерщвленіемъ, молитвою, церковными службами, таинствами. Законъ тутъ—непрерывность, восхожденіе отъ меньшаго къ большему, и—всему свое время и мѣсто. Но духъ движущій есть все тотъ же, что и въ началѣ—ревность о спасеніи и совершенствѣ духовномъ,—и характеръ сего духа тотъ же—сокрушеніе и умиленный плачъ. Какъ въ цвѣтныхъ матеріяхъ есть цвѣтъ, составляющій фонъ, на которомъ какъ бы лежатъ всѣ другіе цвѣта;—такъ и въ дѣлѣ преуспѣянія въ добродѣтеляхъ, какъ фонъ, составляетъ сокрушенное ревнованіе. Оно признакъ жизни православно-христіанской и вмѣстѣ источникъ ея. Безъ него человѣкъ мертвъ нравственно, какъ мертво тѣло безъ души.

3) Есть двѣ стороны въ добродѣтеляхъ—дѣла и расположенія. Расположеніе—въ сердцѣ, дѣла во внѣ тѣломъ совершаются. Надо дѣлать.—Но дѣла одни—безъ расположеній не имѣютъ цѣны,—равно какъ и расположенія одни—безъ дѣлъ не прочны и не тверды. Возревновавшему о дѣятельномъ преуспѣяніи въ добрѣ больше всего надо заботиться о томъ, чтобы сочетать, какъ должно, дѣла съ расположеніями, или внѣшнее съ внутреннимъ,—внутреннее возгрѣвая внѣшнимъ, и внѣшнее воодушевляя внутреннимъ.—Опасность тутъ въ томъ, что внѣшнее легче. Захочетъ иной достигнуть всего симъ легкимъ путемъ, и все теряетъ; ибо внѣшнее одно замариваетъ внутреннее, охлаждаетъ и подсѣкаетъ ревность, безъ коей все останавливается. Этого паче всего опасаться должно.

4) И опять надо смотрѣть,—и не все отдавать теченію событій. Есть добродѣтели, которымъ поминутно

есть приложеніе и упражненіе, и есть добродѣтели, коимъ приложеніе встрѣчается рѣдко.—Если оставить такъ, то въ одной части усовершится человѣкъ, а другая останется необученною, подобно тому, какъ въ деревѣ иногда одна сторона бываетъ многовѣтвенною, а другая безвѣтвенною и голою. Одинъ святый подвижникъ сказалъ: я бы желалъ, чтобы всякій человѣкъ отъ всякой добродѣтели имѣлъ понемногу.—Какъ стройно тѣло: такъ должна быть стройна и совокупность добродѣтелей сердечныхъ.

5) Корень добродѣтелей есть любовь. Но не думайте, чтобы съ ней все начиналось.—Съ паденіемъ человѣкъ сталъ страстенъ. Страсти же противоположны любви, Побѣди страсти,—придетъ любовь. Она есть и въ то время, какъ страсти еще дѣйствуютъ, но не владычествуетъ надъ всѣми движеніями, и иногда уступаетъ, когда съ силою возстанетъ борющая ее страсть. Когда же очистится сердце отъ страстей, тогда побѣдоносно надъ всѣмъ возвышается любовь, какъ царица возсѣдая на тронѣ сердца, и надъ всѣми другими добродѣтелями.

6) Такой чистъ,—и по исходѣ изъ тѣла прямо воспаряетъ въ чистыя области небесныя.—А неуспѣвшій очиститься отъ страстей задерживается на землѣ, или въ воздушныхъ пространствахъ, пока молитва Церкви. и имъ самимъ стяжанная доброта не содѣлаютъ его чистымъ отъ всякой примѣси нечистоты и грѣха. Вотъ почему спѣшить надо кончить курсъ преуспѣянія въ добрѣ, пока еще мы здѣсь, на землѣ. Памятію о сей-то непріятности, которую встрѣтитъ человѣкъ несовершенный по смерти, больше всего и воодушевляли себя святые Божіи, говоря себѣ и всѣмъ другимъ, хотящимъ и ищущимъ спасенія: *помни послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшиши.*

Такъ, мысль за мыслію я передалъ вамъ вкратцѣ весь путь преуспѣянія въ добродѣтеляхъ и украшенія ими своего сердца. Указалъ и начало сего спасительнаго дѣла, и продолженіе, и конецъ. —Кто трудится, трудись по указанію сему. Кто не трудится, начни трудиться. Дѣлайте, дондеже день есть,—придетъ ночь, когда никто не можетъ дѣлать. Господь да благословитъ васъ и умудритъ на дѣланіе въ семъ чинѣ.— Аминь.

1 сентября 1864 года.
Въ соборѣ г. Коврова.

6.

Движеніе вѣры въ Іерихонскомъ слѣпцѣ.

Нынѣшнее Евангеліе описываетъ чудное исцѣленіе слѣпаго, сидѣвшаго при пути у вратъ Іерихонскихъ. Намъ, живущимъ на землѣ, преисполненной горестями и всякаго рода скорбями, весьма отрадно слышать, какъ братія наши получаютъ облегченіе отъ обдержащихъ ихъ золъ,—и не отрадно только, но и поучительно. Кто можетъ избѣжать отъ всѣхъ бѣдъ?! Кто совершенно свободенъ отъ скорбей и лишеній?! Кому потому не нужно знать: куда и какъ обращаться въ крайней нуждѣ своей. А этому и поучаетъ насъ нынѣшнее Евангеліе.

Во время оно бысть, егда приближися Іисусъ во Іерихонъ, слѣпецъ нѣкій сѣдяше при пути, прося.

Это было уже подъ конецъ земной жизни Іисуса Христа, не за долго предъ четвертою Пасхою, когда Господу угодно было понесть крестныя страданія за родъ нашъ. Склоняясь къ Іерусалиму, Онъ говорилъ ученикамъ Своимъ: *Се восходимъ во Іерусалимъ, и скончаются вся,*

писанная Пророки о Сынѣ человѣчестѣ. Предадятъ бо Его языкомъ, и поругаются Ему, и укорятъ Его, и оплюютъ Его, и бивше убіютъ Его (Лук. 18, 31—33). Никто не понялъ сего пророченія: но сердце невольно влекло всѣхъ къ небесному Благодѣтелю, чтобы въ последній разъ насладиться Его бесѣдою, въ послѣдній разъ обогатиться Его благодѣяніями. И около Господа собралось теперь народа болѣе обыкновеннаго. Въ сопровожденіи сего-то народа *приближися Іисусъ во Іерихонъ.* Здѣсь предъ вратами Іерихона *слѣпецъ нѣкій сѣдяше при пути.* Это было его обыкновенное мѣсто, и Іисусъ Христосъ не разъ уже проходилъ мимо его. Но слѣпецъ получаетъ прозрѣніе въ сей только разъ—безъ сомнѣнія потому, что только теперь возродилась въ душѣ его полная спасительная вѣра въ Господа. Вѣроятно, онъ разсуждалъ съ собою: «вотъ ходитъ по нашей землѣ Цѣлитель всѣхъ недуговъ; слышалъ я, какъ хромые ходятъ, глухіе слышатъ, нѣмые говорятъ и слѣпые, подобные мнѣ, прозираютъ, и ни одинъ еще несчастный, приходившій къ Нему съ вѣрою, не отходилъ отъ Него безъ помощи. Это точно тотъ великій Пророкъ, Царь, Мессія, о Которомъ пишется въ нашихъ книгахъ. Что же медлю я одинъ, и лишаю себя дневнаго свѣта и чудной красоты твореній Божіихъ?! Или для меня одного нѣтъ врачеванія, или мнѣ одному опредѣлено сидѣть въ вѣчной темницѣ, мнѣ одному оставаться по смерть слѣпымъ. Нѣтъ. Пусть только пойдетъ мимо Господь Іисусъ: воззову къ Нему, громко вопіять буду и не умолкну, пока не придетъ ко мнѣ и не дастъ свѣта очамъ моимъ, чтобы видѣть чудное лице Его. Онъ Богъ мой. Отдамъ себя Ему всего, припаду къ ногамъ Его и скажу: твори со мною, что хочешь, только дай мнѣ прозрѣніе».

Занимаясь такими мыслями, несчастный слѣпецъ воз-

грѣлъ въ сердцѣ своемъ живую вѣру въ Господа Іисуса. Можетъ быть, спустя немного, духъ его снова опалъ бы и предался въ руки горькаго жребія своего: но сердце его было еще тепло, огнь вѣры и упованія еще пламенѣлъ въ душѣ его, какъ слышитъ онъ шумъ и топотъ большаго множества людей, подходящихъ къ нему. То былъ народъ, шедшій впереди Іисуса Христа. Слѣпецъ трепетно возрадовался, и у перваго мимошедшаго спѣшилъ спросить: что значитъ такое стеченіе народа,—о милостынѣ онъ уже забылъ. Одно теперь у него на сердцѣ—желаніе, чтобы среди этого множества народа былъ возлюбленный имъ Спаситель. *Что убо есть се,* вопрошалъ онъ. Не Іисусъ ли, не Господь ли, не надежда ли моя приближается? И, когда получилъ отвѣтъ по желанію своего сердца: *яко Іисусъ Назарянинъ мимоходитъ*, всею крѣпостію силъ *возопи, глаголя: Іисусе сыне Давидовъ, помилуй мя.* Предшествовавшіе Господу, по неосмотрительной заботливости о покоѣ Его, воспрещали слѣпцу и заставляли его молчать; но онъ не слушалъ ихъ, *но паче множае вопіяше: сыне Давидовъ, помилуй мя:* ибо неудержима сила вѣры и упованія. И если бы теперь все множество народа собралось около него и претило ему,—онъ и тогда не перестал бы вопіять: *Іисусе сыне Давидовъ, помилуй мя.*

Впрочемъ, когда бы слѣпецъ и молчалъ, Господь и тогда не преминулъ бы приблизиться къ нему и сказать: *прозри,*—ибо Онъ видѣлъ душу его, видѣлъ крѣпкую вѣру и сильное упованіе, которыхъ невидимый вопль предъ лицемъ Господа всегда слышнѣе вопля чувственнаго. Тѣмъ болѣе теперь, когда онъ такъ громко возвышалъ голосъ свой, Господь не хотѣлъ оставить его безъ помощи, чтобы внушить, что воззванія несчастныхъ и воздыханія скорбныхъ всегда доступны Его

человѣколюбивому сердцу. *Ставъ же Іисусъ, повелѣ привести его къ Себѣ.* Съ радостію вскочилъ и благоговѣйно приблизился къ Господу слѣпецъ, сердечно всего себя предавая Ему. Господь зналъ, что у него на сердцѣ; но, чтобы показать вѣру его другимъ и утвердить ее еще болѣе въ немъ самомъ, спросилъ его: *Что хощеши, да ти сотворю?—Господи, да прозрю*, было отвѣтомъ слѣпаго. Одного хочу, дай мнѣ видѣть свѣтъ дня и красоту лица Своего! Весь я Твой; твори со мною, что хочешь, только *да прозрю, Господи, да прозрю!*

Крѣпка вѣра твоя, сказалъ Господь: она спасла тебя. *Прозри: и абіе прозрѣ.* Узнаете ли въ семъ Благодѣтелѣ слово Бога Всемогущаго? Въ началѣ *рече Господь: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ.* Здѣсь сказалъ: *прозри: и абіе прозрѣ.* Но замѣтьте и въ облагодѣтельствованномъ плоды вѣры и помышленія сердца благодарнаго. *Прозрѣ, и во слѣдъ Его идяше, славя Бога.* Первый путь, который указали ему его собственные глаза, это былъ путь вслѣдъ Іисуса Христа. Первое употребленіе полученнаго блага было посвященіе его Даровавшему. Въ сердцѣ у него былъ теперь одинъ Господь, на языкѣ одна слава Божія. Онъ не хотѣлъ быть подобнымъ 9-ти прокаженнымъ, хотѣлъ, чтобы всѣ знали о его счастіи и всѣ славили его Благодѣтеля; возвышалъ благодарный голосъ свой, славя Бога, *и вси людіе, видѣвше, воздаша хвалу Богови.*

Слава Господу, посѣтившему бѣдный родъ нашъ и избавляющему насъ отъ безчисленнаго множества угнѣтающихъ насъ золъ! Не тогда только, когда былъ Онъ на землѣ, несчастные получали отъ Него помощь: но и во всякое время приходящій къ Нему не отходитъ отъ Него тощъ. *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы,* и упокоиваетъ. Слава Гос-

поду, Утѣшителю нашему, покою нашему, свѣту нашему! Намъ только уповать и вѣровать надобно, и всѣ скорби, всѣ лишенія вознаградитъ Господь. Онъ теперь одесную Отца и взялъ бразды міроправленія, именно для того, *да сотворитъ вся, елика аще кто воспроситъ у Него вѣрующе.* Теперь *не до конца забвенъ будетъ нищій, терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца* (Пс. 9, 19); но *уповающаго на Господа милость обыдетъ* (31, 10). Чья душа *чаетъ Бога, Помощника и Защитителя своего;* того скрываетъ *Онъ въ тайнѣ лица Своего отъ мятежа человѣческа, покрываетъ его въ кровѣ отъ пререканія языкъ* (30, 21). *Близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ, и смиренныя духомъ спасетъ* (33, 19). Болитъ ли кто, призови Господа, и исцѣлитъ; въ бѣдѣ ли кто, обратись ко Господу, и избавитъ; въ напасти ли кто, припади ко Господу, и освободитъ. Съ вѣрою только и упованіемъ приступать надобно къ Человѣколюбцу и чаять отъ Него блага съ твердою рѣшимостію Ему первому посвятить даръ испрашиваемый, и Онъ не закоснитъ. Ибо сказалъ: *яко на Мя упова, и избавлю и: покрыю и, яко позна имя Мое. Воззоветъ ко Мнѣ, и услышу его: съ нимъ есмь въ скорби, изму его, и прославлю его* (90, 14. 15). *Буди Господи милость Твоя* и *на насъ, якоже уповахомъ на Тя* (32, 22). Аминь.

Въ 31-ю недѣлю по
Пятидесятницѣ.

7.

Правило вѣры: познаніе ея, воспріятіе ея сердцемъ и введеніе въ жизнь.

Вчера намъ былъ представленъ образецъ любви въ св. Іоаннѣ Богословѣ; нынѣ же указывается правило

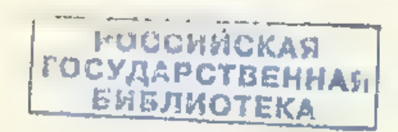
вѣры въ Святителѣ и Чудотворцѣ Николаѣ. И давайте учиться православной вѣрѣ въ честь сего преславнаго Святителя.

Правило вѣры слагается изъ слѣдующихъ трехъ: изъ вѣдѣнія содержанія вѣры,—изъ воспріятій сего содержанія сердцемъ—и изъ введенія жизни своей въ порядокъ, указуемый вѣрою.—Это и стороны и вмѣстѣ степени вѣры, и ея характеристическія черты, присутствіе которыхъ свидѣтельствуетъ о присутствіи вѣры, какъ отсутствіе—объ отступленіи. Я укажу вамъ, что есть вѣра на всѣхъ сихъ степеняхъ. А посему указанію вы потомъ сами уже разсудите, *аще есте въ вѣрѣ*, какъ совѣтуетъ святый Апостолъ Павелъ.

Первая степень вѣры, или начало ея, есть вѣдѣніе содержанія святой вѣры. Если просмотрѣть все Божественное откровеніе отъ начала его до конца, то въ умѣ нашемъ вообразится все домостроительство нашего спасенія, или все дивное Божіе о насъ смотрѣніе, которымъ благоволилъ Онъ спасти насъ погибавшихъ. И если бъ кто захотѣлъ представить его въ краткихъ положеніяхъ, то онъ долженъ бы былъ, словами св. Тихона (Ч. 8, стр. 218), исповѣдать слѣдующее:

1) Богъ нашъ—Творецъ и Промыслитель, въ трехъ лицахъ покланяемый, сотворивъ небо и землю и все украшеніе ихъ, послѣди создалъ человѣка—Адама, и помощницу ему—Еву, отъ которыхъ потомъ произошелъ весь родъ человѣческій.

2) Прародителей нашихъ Преблагій Богъ создалъ не такъ, какъ прочія твари, но Дивнымъ нѣкіимъ и человѣколюбивымъ совѣтомъ. Прочія твари созидая, Богъ проглаголалъ «да будетъ». Приступая же къ созданію человѣка, Онъ держитъ совѣтъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію. Такъ высоко пре-

вознесъ человѣка предъ прочими тварями, что не только создалъ по особенному Своему совѣту, но и образомъ Своимъ Божіимъ почтилъ.

3) Первозданныхъ прародителей нашихъ Богъ помѣстилъ въ прекрасномъ мѣстѣ—въ раю сладостей, и далъ имъ заповѣдь: не вкушать отъ древа, еже разумѣти доброе и лукавое, подъ страхомъ смерти.

4) Сей заповѣди Божіей прародители наши не сохранили, и отъ заповѣданнаго древа вкусили, послушавъ злаго совѣта змія и сатаны, позавидовавшаго блаженству ихъ. Не послушавши Бога, Создателя своего, и послушавъ врага своего и Божія, они тяжко согрѣшили предъ Богомъ,—за что лишились милости Божіей и благодати, которою ихъ почтилъ Богъ въ созданіи, — потеряли образъ Божій, и изъ святыхъ и праведныхъ сдѣлались нечистыми, скверными, грѣшными,—подпали праведному гнѣву Божію и всякому неблагополучію временному и вѣчному.

5) Сею прародителей нашихъ язвою грѣховною заразились и мы, сыны ихъ, и подвержены вмѣстѣ съ ними временному и вѣчному бѣдствію. Слѣдовало не только временно, но и вѣчно съ ними всѣмъ намъ умирать, горькую гнѣва Божія чашу и вѣчнаго мученія во адѣ пить, и у діавола, котораго злаго совѣта послушали, во власти и поруганіи быть.

6) Но Богъ, по великой Своей милости и непостижимой благости, не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ есть намъ, ниже по грѣхомъ нашимъ воздалъ есть намъ.—Еще прародителямъ нашимъ Онъ обѣщалъ послать избавленіе и спасеніе имъ и всему міру въ словахъ, сказанныхъ змію: *Той твою сотретъ главу*.

7) Сіе отеческое Свое благоволеніе къ роду человѣческому и такое милостивое обѣщаніе многократно по-

вторялъ и открывалъ Богъ св. Патріархамъ—Аврааму, Исааку, Іакову и прочимъ,—открывалъ Пророкамъ, и имъ повелѣвалъ возвѣщать и проповѣдывать грядущаго въ міръ Спасителя, какъ о томъ въ книгахъ Ветхаго Завѣта написано.

8) Когда приблизилось время, въ которое Богъ опредѣлилъ пріити въ міръ Избавителю,—Единородный Сынъ Божій сшелъ съ небесъ, воплотился отъ Духа Св. и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчился. Явясь на землѣ, Онъ съ человѣки пожилъ, волю Божію открылъ, истолковалъ и исполнилъ,—явилъ дивныя знаменія и чудеса, исцѣлялъ всякую болѣзнь, бѣсовъ изгонялъ, мертвыхъ воскрешалъ. Услышали гласъ добраго Пастыря заблудшія овцы и познали Его. А фарисеи, книжники и старцы народные, завистію и злобою снѣдаемые, по предательству Іуды, схватили Его, оклеветали предъ Пилатомъ и, послѣ многихъ страшныхъ истязаній и поруганій, довели до распятія и крестной смерти. Умершій за спасеніе наше и погребенный Сынъ Божій въ третій день воскресъ изъ мертвыхъ, показывая тѣмъ, что Онъ есть побѣдитель смерти, ада и діавола—всѣхъ нашихъ враговъ. Воскресшій Господь сорокъ дней являлся многимъ вѣрующимъ и особенно Апостоламъ,—открывалъ, что нужно для устроенія царства Его на землѣ—св. Церкви. Въ 40-й день Онъ вознесся на небо и сѣлъ одесную Бога и Отца, воспріявъ всякую власть на небеси и на земли, яко искупитель рода человѣческаго. Съ небеси ниспослалъ Онъ, какъ обѣтовалъ, Св. Духа на святыхъ Своихъ учениковъ и Апостоловъ, силою Котораго просвѣщаемые и укрѣпляемые св. Апостолы всюду проповѣдали Сына Божія, плотію въ міръ пришедшаго, вѣру въ Него въ сердцахъ человѣческихъ насадили, и изъ всѣхъ языковъ собрали единую св.

Церковь, которой ввѣрили святыя истины и силы благодатныя, оградивъ ее законами о св. таинствахъ, священнодѣйствіяхъ и всякомъ чинѣ церковномъ. Послѣ Апостоловъ преемниками ихъ стали святители Христовы, пастыри и учители, которые тѣмъ же ученія ихъ словомъ Церковь Христову пасутъ, наставляютъ, утверждаютъ и предпосылаютъ съ помощію Божіею въ небесную ограду, и сами, вѣру сохранивши и теченіе скончавши, туда же переселяются: что и до конца вѣка имѣетъ быть. Ибо врата адова не одолѣютъ созданной на камени вѣры Церкви. Когда же придетъ кончина міра, тогда будетъ второе пришествіе Христово, въ коемъ, по воскресеніи всѣхъ, всѣхъ Онъ призоветъ на судъ и воздастъ каждому по дѣламъ его: вѣрныхъ, пребывшихъ въ вѣрѣ до конца, вселитъ въ царство небесное на вѣчное блаженство, а невѣрныхъ и не соблюдшихъ вѣры вѣчному предастъ наказанію.— Такъ кончится все смотрѣніе о насъ Сына Божія!—Тогда начнется преблаженная на небеси и пребѣдственная во адѣ вѣчность: одни будутъ царствовать и веселиться безъ конца, а другіе бѣдствовать и страдать безъ конца же.

Таково все домостроительство нашего спасенія! Такова полная картина спасительнаго Божія о насъ смотрѣнія. О семъ отъ начала міра проповѣдывалось до пришествія Христова, отъ пришествія Христова до насъ проповѣдуется и отъ насъ будетъ проповѣдываться до конца міра. О семъ все Писаніе Божественное возвѣщаетъ, и всѣ отеческія писанія учатъ, симъ просвѣщались всѣ великіе мужи. И всякій умъ, истины жаждущій, не иначе какъ принятіемъ всего сего ученія находитъ себѣ полное удовлетвореніе. Сіе исповѣданіе всякій предметъ ставитъ на своемъ мѣстѣ, и все представляетъ въ такой стройности, что ничего, даже малаго—отмѣнить

нельзя, не разстроивши всего. Какъ въ видимомъ мірѣ надъ нами небо, подъ нами земля, на небѣ солнце, луна и звѣзды—все въ своемъ чинѣ, и на землѣ все вокругъ насъ въ своемъ порядкѣ: такъ вся картина Божія о насъ смотрѣнія составляетъ умственную нашу атмосферу, въ которой всему свое мѣсто и всему свое соотношеніе. Сіе познать и умомъ содержать надлежитъ первѣе всякому вѣрующему. Вѣра отъ слуха; слухъ же оглашается вѣщаемымъ ученіемъ, полагающимъ начала вѣрованію. Иначе во что и вѣровать, если не будутъ знать сего ученія.

Но положимъ, что кто-либо все это знаетъ и содержитъ: значитъ ли это,—что онъ уже и вѣру имѣетъ настоящую? Нѣтъ, не значитъ. Это есть знаніе вѣры, но не вѣра еще. Вѣра начинается съ того момента, когда содержаніе ея начинаетъ входить въ сердце и производить тамъ соотвѣтственное себѣ чувство. Вѣра есть воспріятіе сердцемъ спасительныхъ истинъ. И какъ сіи истины имѣютъ опредѣленное содержаніе, она сопровождается въ сердцѣ обнаруженіемъ опредѣленныхъ чувствъ. Говоритъ исповѣданіе вѣры, что мы, падшіе, погибать должны и спасаемся только вѣрою въ Господа Спасителя. Пусть воспринято будетъ сіе ученіе сердцемъ; тогда что будетъ испытывать человѣкъ? будетъ смиряться, какъ не соблюдшій чина своего, Бога оскорбившій и повредившій образъ Его въ себѣ всякимъ зломъ.—Слыша далѣе, что грѣхи его гнѣвъ Божій привлекаетъ, будетъ страшиться за себя и свою участь, яко готовая жертва праведнаго наказанія.—Слыша же возвѣщаемое избавленіе въ Господѣ, къ Нему повлечется,—и всею силою упованія пожелаетъ усвоить себѣ подаемое Имъ спасеніе. Такимъ образомъ сердцемъ воспріявшій содержаніе вѣры будетъ въ состояніи жажду-

щаго, ищущаго, ко Господу стремящагося. „Начинающій (Свят. Тихон. ч. 8, стр. 15) вѣровать не неприлично можетъ уподобляться немощному, который, видя свою неисцѣльную болѣзнь, желаетъ и ищетъ искуснаго врача, или плѣненному, который ищетъ избавителя, или убѣгающему отъ страха и ищущему безопаснаго мѣста и защищенія.“ Обратись теперь всякій къ себѣ, и повѣрь,—при знаніи вѣры, прошелъ ли ты это тревожное состояніе опасенія за себя, исканія и чаянія избавленія?—

Но пусть даже есть такое состояніе,—это еще не все, чего требуетъ правило вѣры. Надобно самымъ дѣломъ вступить въ порядокъ жизни, указуемый вѣрою, именно: говоритъ вѣра: худъ ты, покайся,—и надо каяться; говоритъ вѣра: перестань грѣшить,—и надо перестать; говоритъ: предай себя Господу,—и надо предаться; говоритъ: прими въ таинствахъ благодать Христову,—и надо принять; говоритъ: борись со страстями,—и надо бороться; и вообще,—что ни указываетъ вѣра, во все то и надобно тотчасъ вводить жизнь свою. Плодомъ сего и свидѣтельствомъ будетъ—самымъ дѣломъ ощущеніе и испытаніе спасительныхъ дѣйствій св. вѣры нашей.—Таковый будетъ чувствовать, что хотя онъ грѣшникъ, но не погибнетъ; ибо спасется Господомъ, въ Коего увѣровалъ и Котораго спасительное устроеніе сердцемъ воспріялъ и дѣломъ проходитъ; что хотя онъ слабъ, но не поддается грѣху силою благодати, принятой въ таинствахъ;—что хотя онъ немощнѣе враговъ, но не преодолѣнъ будетъ ими, состоя подъ защитою Господа, пріявшаго его подъ кровъ Свой;—что хоть онъ здѣсь еще живетъ, и на землѣ бѣдствуетъ, но царство небесное считаетъ своимъ, ради общенія съ Господомъ, на небеси уже царствующимъ.—Такъ и во

всемъ.—Характеристическая черта сей степени вѣры та, что вѣрующій все, что Господомъ для рода человѣческаго сдѣлано, присвояетъ себѣ такъ, какъ бы то все сдѣлано именно для него. Истинную вѣру въ сердцѣ имѣющій, подобно Апостолу Павлу, исповѣдуетъ: *вѣрою живу Сына Божія, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мнѣ* (Гал. 2, 20). Сынъ Божій весь міръ возлюбилъ и за весь міръ предалъ Себя, но св. Павелъ, а съ нимъ и всякій вѣрующій, сію Его любовь и сіе Его благодѣяніе себѣ присвояетъ. Такое исповѣданіе есть вѣнецъ вѣры, и оно не иначе возможно, какъ когда дѣломъ приметъ кто оправданіе, освященіе, возрожденіе и очищеніе!..

Таково полное правило вѣры нашей! Начинается она знаніемъ, проходитъ чрезъ чувство и завершается жизнію, овладѣвая такимъ образомъ всѣми силами существа нашего и укореняясь въ основахъ его. *И елицы правиломъ симъ жительствуютъ, миръ на нихъ и милость* (Гал. 6, 16). Въ нихъ совершается то, что Господь сказалъ о домѣ, построенномъ на камени. Такого не пробуй никто сбить какими-либо умствованіями. Что удары песчинокъ о твердую стѣну: то всѣ эти недоумѣнія и сомнѣнія для души, истинно вѣрующей. На всѣ ихъ одно отраженіе: я знаю, что истина въ вѣрѣ нашей, ибо испытываю цѣлительность ея. Больный, вылѣчившійся какимъ-либо лѣкарствомъ, и слушать не станетъ тѣхъ, кои стали бы говорить ему что-либо противъ сего лѣкарства. Какъ можетъ онъ считать его не цѣлительнымъ, когда отъ него получилъ облегченіе! Такъ и здѣсь.—Станетъ ли слушать пусторѣчія модной учености, возстающей на Господа и на Христа, или колебаться отъ совопросничества: почему и для чего,—тотъ, кто испыталъ силу вѣры?—Тутъ истина,—будетъ

твердить онъ на всѣ попытки поколебать его,—тутъ истина: ибо я симъ путемъ принялъ силу, которою и дѣйствую, не колеблясь ничѣмъ отъ сопротивныхъ,—уврачевалъ всѣ немощи мои и приведенъ ко Господу, общеніе съ Коимъ во Іисусѣ Христѣ и составляетъ существо жизни моей духовной.—Пока еще только познаетъ вѣру душа, можно ее колебать вопросами, даже иногда легко рѣшаемыми. А когда она исцѣлится вѣрою, тогда для нея ничто и нерѣшенныя недоумѣнія. Такъ не укоренившійся стебль вырывается и уносится легкимъ вѣтромъ, а укоренившееся древо не боится напора и сильной бури.

Симъ толкованіемъ я желалъ бы навесть мысль вашу на разумѣніе, въ чемъ заключается защитительная сила вѣры нашей, а чрезъ уразумѣніе расположить къ стяжанію сей силы. Она не въ знаніи, но въ чувствѣ,—и не въ чувствѣ только, но и въ жизни. Только на сей послѣдней степени она тверда, какъ смерть, и безопасна отъ всякихъ возраженій и нападеній. И вотъ чего держитесь, когда станете исполнять заповѣдь Апостола: *себе искушайте, аще есте въ вѣрѣ* (2 Кор. 13, 5). Аминь.

9 мая 1864 г.
Въ день Святителя
Николая Чудотворца.

8.

О любви къ Богу: какіе признаки ея.

Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею и всею мыслію твоею (Мате. 22, 37).

Кажется, для чего бы намъ и давать заповѣдь о любви къ Богу.—Спросите кого угодно, всякій скажетъ,

что онъ любитъ Бога,—и ни у кого не повернется языкъ сказать, что онъ не любитъ Его. Притомъ, чувство любви столько сладостно и отрадно, что всякій и самъ, изъ желанія себѣ мира и утѣшенія духовнаго, позаботится образовать его въ себѣ.

Не смотря однакожъ на сіе, заповѣдь о любви къ Богу прописывается намъ Господомъ и святыми Апостолами не разъ и не два... а почти на каждой страницѣ Св. Писанія и притомъ съ такою настойчивостію, что кто не любитъ Господа — да будетъ отлученъ — маран-аѳа, по Апостолу...

Значитъ, не смотря на всю естественность любви къ Богу, можно не любить Бога, когда Онъ Самъ заботится и внѣдрить въ насъ ее заповѣдію и оградить угрозами... Значитъ, можно, и говоря, что любимъ Бога, не имѣть сей любви, и такимъ образомъ обманывать и себя и другихъ.

Такъ, бр., можно.—Но вотъ что,—и себя обольщать и другихъ обмануть мы можемъ, но Самого Бога никогда не обманемъ. Онъ видитъ самыя сокровенности сердца, и потому, что видитъ, нѣкогда воздастъ каждому... Кому это Онъ скажетъ въ часъ суда... отойдите... не вѣмъ васъ?.. Тѣмъ, кои не имѣли любви къ Нему, хотя думали, что имѣютъ ее, и отъ другихъ почитались имѣющими ее...

Какая горькая ошибка!—и тѣмъ болѣе горькая, что уже ее и поправить не будетъ тогда возможности. Такъ, видите, братіе, стоитъ труда дойти до увѣренности, есть ли въ насъ любовь къ Богу или нѣтъ. И если окажется, что ея нѣтъ, позаботимся стяжать ее, или оживить, если начинаетъ погасать, и усилить, если слабѣетъ. Ибо не любяй въ смерти пребываетъ. Войдемте же внутрь себя и осмотримся вокругъ, чтобъ

собрать простые и близкіе ко всѣмъ признаки, по которымъ можемъ безошибочно судить о семъ.

1) Кто кого любитъ, у того только и рѣчей, что о своемъ любимомъ лицѣ или предметѣ; тотъ, съ кѣмъ бы ни случилось ему сойтись, или прямо начинаетъ говорить о немъ, или скоро склоняетъ на него взаимный разговоръ.—Такъ, кто Бога любитъ, тотъ о Немъ только охотно и бесѣдуетъ и къ Нему поспѣшно склоняетъ всякій разговоръ свой и, когда начнетъ говорить о Немъ, наговориться не можетъ; ему тамъ только и пріятно быть, гдѣ ведутъ рѣчи о Богѣ и дѣлахъ Его,— и скучно тамъ, гдѣ занимаются другимъ чѣмъ.—Напротивъ, кто не любитъ Бога, тотъ не заговоритъ о Немъ самъ и чуждается тѣхъ, кои любятъ говорить о Немъ. Тому пріятно бываетъ, когда говорятъ о дѣлахъ житейскихъ, торговыхъ, судебныхъ, военныхъ, пожалуй,— ученыхъ, только не по-Божьему; тотъ охотно сидитъ тамъ, гдѣ занимаются новостями, модами, пересудами, и бѣжитъ оттуда, гдѣ говорятъ о Богѣ и дѣлахъ Его. Тотъ бываетъ неистощимъ, когда говоритъ о чемъ пустомъ, суетномъ и мірскомъ, а когда дѣло коснется Бога и спасенія души, неохотно скажетъ слова два-три, и только, или даже и этого не скажетъ... Ибо отъ избытка сердца говорятъ уста. Чѣмъ полно сердце, о томъ много и словъ... Такъ посмотримъ,—каковы наши бесѣды,—и откроемъ—есть ли въ насъ любовь къ Богу или нѣтъ.

2) Кто кого любитъ, тотъ охотно спѣшитъ туда, гдѣ надѣется или встрѣтить самого любимаго и близкихъ къ нему, или получить вѣсть о немъ, или напасть на что, напоминающее о немъ. Такъ, кто любитъ Господа, тотъ охотно спѣшитъ въ храмъ Божій, гдѣ Господь являетъ особенное Свое присутствіе, гдѣ вѣрующіе всту-

пають въ ближайшее общеніе со Святыми Божіими, въ образахъ представляемыми очамъ ихъ, и слышатъ о Немъ слово. Кто любитъ Господа, тотъ съ желаніемъ ищетъ быть причастникомъ Св. Таинъ, ибо чрезъ то Богъ къ нему приближается, и онъ къ Богу; тотъ съ напряженіемъ силится пройти всю совокупность чиновъ и молитвованій церковныхъ, ибо въ нихъ обоняетъ онъ слѣдъ благоуханія Христова, тому сладко и тепло въ храмѣ, какъ въ домѣ Отца своего: тщательно внимаетъ онъ здѣсь всякому священнодѣйствію и молитвѣ,—и какъ охотно спѣшитъ къ началу службы, такъ съ нѣкоторою горестію переступаетъ порогъ церковный по окончаніи ея. А кто не любитъ Господа, того не зазовешь въ храмъ; когда другіе идутъ сюда, онъ спѣшитъ въ другое мѣсто, а если и заходитъ иногда сюда, то неохотно, не къ началу и не за тѣмъ, чтобъ помолиться; того только нужда или обычай и стыдъ заставляютъ какъ-нибудь поговѣть и причаститься, а о другихъ постановленіяхъ или молитвованіяхъ и говорить нечего... Того холодомъ обдастъ одна мысль о Церкви и о чемъ-нибудь церковномъ. Посмотримъ же, каковы мы въ отношеніи къ Церкви и всему ея устроенію, и увидимъ—любимъ ли мы Господа или нѣтъ.

3) Кто кого любитъ, тотъ не выпускаетъ изъ головы своей помышленія о немъ и, оставшись на-единѣ, мысленно бесѣдуетъ съ нимъ, —представляя и любезно лелѣя образъ его.—Такъ, кто любитъ Господа, тотъ не отступаетъ отъ помышленія о Немъ, и, какъ только улучаетъ свободу, мысленно обращается къ Нему и тепло изъ сердца бесѣдуетъ съ Нимъ.—Тотъ, послѣ законныхъ дѣлъ, требуемыхъ семействомъ, или службою, или промысломъ, не развлеченій ищетъ, а спѣшитъ уединиться, чтобъ побыть едину съ своимъ Господомъ,—

чтобъ или Богомыслію предаться, или размыслить, напр., о безпредѣльныхъ совершенствахъ Божіихъ, о домостроительствѣ нашего спасенія, о послѣдней участи нашей и проч., или стать на молитву и помолиться, или развернуть спасительную какую книгу, или освѣжить голову свою святыми, излагаемыми тамъ, истинами.—Напротивъ, кто не любитъ Господа, тотъ не любитъ оставаться одинъ,—и послѣ необходимыхъ дѣлъ спѣшитъ къ развлеченіямъ—на гулянья, или еще что хуже того. Если нужда заставитъ его остаться на-единѣ, то что дѣлаетъ онъ? бездѣйствуетъ, мечтаетъ о пустомъ, или строитъ козни, или читаетъ пустыя книги.—Осмотримся же, каковы мы въ семъ отношеніи, и увидимъ, любимъ ли Господа или нѣтъ.

Вотъ нѣсколько близкихъ къ намъ признаковъ любви и нелюбви къ Богу! Но о томъ и говорить нечего, что кто любитъ Господа, тотъ всячески печется угодить Ему исполненіемъ Его святой воли,—и той, что изречена въ заповѣдяхъ, и той, что всякому изъ насъ, кромѣ того, явлена бываетъ въ обстоятельствахъ жизни нашей. Ибо какая будетъ любовь къ Богу въ томъ, кто заповѣди Его не исполняетъ, а явно и сознательно нарушаетъ ихъ?.. Только въ томъ случаѣ можно видѣть любовь въ таковыхъ, когда, нарушивъ какъ-нибудь заповѣдь Божію, они тотчасъ приходятъ въ сокрушеніе и болятъ сердцемъ, что оскорбили Господа, и спѣшатъ очистить грѣхъ покаяніемъ и обѣщаніемъ не грѣшить болѣе. А кто, согрѣшивъ, не только не болитъ о томъ, но еще оправдываетъ себя, тотъ совсѣмъ почти погибшій человѣкъ!

Не буду распространяться болѣе... И этихъ признаковъ достаточно, чтобы увидѣть; есть ли въ насъ любовь или нѣтъ, и тѣмъ утѣшить себя, или озаботить

душу свою. Если найдемъ, что у насъ есть любовь къ Богу, хотя въ начаткахъ,—возблагодаримъ Господа за то, что сію жизненную силу—Самъ Онъ началъ изливать въ сердца наши. А если найдемъ, что мы холодны къ Богу, возболѣзнуемъ о томъ, и поспѣшимъ возгнести сей спасительный огнь... Какъ?—Храненіемъ всего того, что, какъ мы сказали, служитъ признакомъ любви къ Богу,—храненіемъ хотя неохотнымъ, принудительнымъ, самонасильственнымъ... и Господь поможетъ.—Дерево холодно само по себѣ, но когда начинаютъ тереть дерево объ дерево,—они согрѣваются и даютъ пламя. Также, когда онѣмѣетъ какой-нибудь членъ тѣла отъ холода или другаго чего,—начинаютъ тереть его, и возбуждаютъ въ немъ потерянное чувство.—Такъ и когда начнемъ мы тереть душу свою, охладѣвшую къ Господу,—хожденіемъ въ храмы, домашними молитвами, чтеніемъ спасительныхъ книгъ, бесѣдами назидательными, частымъ говѣніемъ и причащеніемъ Св. Таинъ, не оставляя, при всемъ томъ, ни одного случая къ исполненію заповѣдей, то, вѣрно, умягчится окаменѣлое сердце наше, и начнетъ согрѣваться любовію къ Нему. Надобно только не пожалѣть себя, а понудить и понасиловать вначалѣ... Пройдетъ нѣсколько времени,—и то, къ чему не лежала душа, начнетъ ей быть пріятнымъ... и чѣмъ долѣе будемъ нудить себя, тѣмъ пріятнѣе и сладостнѣе будутъ дѣла тѣ, а потомъ возгорится и огнь въ сердцѣ, который преобразитъ душу нашу въ пламеннаго Серафима, непрестающею любовію горящаго къ Господу... Сего да сподобитъ всѣхъ насъ Тотъ, Кто пришелъ на землю воврещи сей небесный огнь. Аминь.

13 сентября, 1859 г.
Въ 14-ю недѣлю по Пятидесятницѣ.

9.

Св. Іоаннъ Евангелистъ не позволяетъ говорить: вѣруй, какъ хочешь, только люби.

Святый Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, возлюбленный ученикъ Господа, есть по преимуществу образецъ и проповѣдникъ любви. Любовію дышетъ его святое Евангеліе, уроками о любви исполнены его посланія и разительнымъ примѣромъ ея служитъ жизнь его.

Онъ истолковалъ всѣ тайны любви,—и ея начало источное, и ея движеніе въ дѣлахъ, и ея конецъ—высоту, до коей возводитъ она всѣхъ своихъ. Съ сей стороны особенно и извѣстенъ св. Іоаннъ, и кто бы ни сталъ разсуждать о любви, тотчасъ воспоминаетъ о немъ, какъ образцѣ любви, и къ нему обращается, какъ къ учителю любви.

Но посмотрите, какое употребленіе изъ сего сдѣлали нынѣшніе умники?—Есть у нихъ особый родъ суемудрія, называемый индифферентизмомъ, по которому думаютъ и говорятъ: какъ хочешь вѣруй,—все равно,—только люби людей, какъ братьевъ,—благодѣтельствуй имъ и благотворно дѣйствуй на нихъ. Вотъ, говорятъ, и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ только и пишетъ, что о любви.—Въ любви у него—свѣтъ, въ любви—животъ, въ любви—всякое совершенство. А кто не любитъ, тотъ, по его словамъ, во тьмѣ ходитъ, въ смерти пребываетъ, человѣкоубійца есть. Извѣстно также, что когда Евангелистъ остарѣлъ и не могъ уже ходить самъ, то его на рукахъ вносили въ церковь, и онъ твердилъ только: братіе! будемъ любить другъ

друга.— Вотъ какъ цѣнилъ онъ любовь.— Такъ, говорятъ, и намъ надобно: люби,—и только; а вѣруй себѣ, какъ хочешь.

Мнѣ самому приходилось слышать такое мудрованіе. Можетъ быть, и изъ васъ кому приходилось или придется услышать нѣчто подобное. Противопоставимъ же ихъ лжеученію истинное ученіе святаго Іоанна Богослова и тѣмъ оградимъ смыслъ свой отъ колебанія въ началахъ Христіанскаго здравомыслія суемудріемъ индифферентистовъ.

Этимъ умникамъ хочется самимъ все устроять—безъ Бога, — и свое внѣшнее благосостояніе и свою нравственность. Оттого они всячески ухитряются сплесть такую систему ученія, чтобы въ ней о Богѣ и говорить не было нужды.—И ударяютъ на любовь.— Вы себя-то, говорятъ, взаимно любите, а о Богѣ что и думать?— Но съ сей-то стороны и поражаетъ ихъ особенно святый Евангелистъ.—Ибо хотя точно онъ непрестанно поминаетъ о взаимной другъ къ другу любви, но поставляетъ сію любовь въ такой связи съ Богомъ, съ любовію къ Богу и съ Богопознаніемъ, что ихъ отдѣлить другъ отъ друга нѣтъ возможности. Смотрите, откуда производитъ онъ любовь?— *Богъ возлюби*, говоритъ, *насъ, и посла Сына Своего очищеніе о грѣсѣхъ нашихъ.*— Далѣе прибавляетъ: *Аще сице возлюбилъ есть насъ Богъ, и мы должни есмы другъ друга любити* (1 Іоан. 4, 10. 11).—Стало, по его разуму, наша любовь взаимная должна созидаться подъ дѣйствіемъ вѣры въ Господа, пришедшаго спасти насъ, и, слѣдовательно, не все равно, какъ хочешь вѣруй. Потомъ,—*возлюбимъ*, учитъ онъ, *другъ друга: яко любы отъ Бога есть* (4, 7). *Аще другъ друга любимъ, Богъ въ насъ пребываетъ*... (— 12). *Богъ любы есть, и пребываяй въ любви, въ Бозѣ пребываетъ,*

и Богъ въ немъ пребываетъ... (—16). Видите ли, у него нѣтъ слова о любви безъ слова о Богѣ и Спасителѣ.— Любовь отъ Бога и къ Богу ведетъ,— такъ что кто говоритъ, что онъ *любитъ брата, а Бога и Спасителя не знаетъ и не любитъ*, тотъ *лжецъ* есть, *и истины въ немъ нѣтъ ни единыя* (4, 20; 2, 4). Почему все ученіе св. Евангелиста о любви можно сократить въ слѣдующихъ словахъ: чтобы возлюбить брата, надо Бога возлюбить; но чтобы Бога возлюбить, конечно, надо познать Его и въ себѣ самомъ и особенно въ Его спасительныхъ дѣйствіяхъ на насъ,—познать,—стало быть, и вѣровать.—Отсюда—въ чемъ вся воля Божія? Въ вѣрѣ и любви: вотъ, говоритъ, заповѣдь,—*да вѣруемъ во имя Сына* Божія — *Іисуса Христа,— и любимъ другъ друга* (3, 23). Не одна любовь заповѣдуется, но и вѣра въ Господа, и притомъ такъ, что вѣра есть источникъ любви; такъ что если собрать во едино только тѣ мѣста, гдѣ святый Іоаннъ Евангелистъ говоритъ объ одной любви, и тогда его ученіемъ никакъ нельзя подтверждать лжи суемудрія: люби только, а вѣруй, какъ хочешь.

Но у него, кромѣ ученія о любви, есть еще ученіе вѣры, независимо отъ закона любви.—И смотрите, какъ онъ рѣшительно отвергаетъ тѣхъ, которые говорятъ: вѣруй—какъ хочешь? Съ самыхъ первыхъ стиховъ о чемъ идетъ проповѣдь у него?—о томъ, говорятъ, что мы видѣли, что слышали и что руки наши осязали,— о Словеси животнѣмъ, о томъ, что животъ явился, тотъ животъ, который былъ у Отца и явился намъ,— вотъ объ этомъ, говоритъ, и проповѣдуемъ вамъ, да общеніе имате съ нами, а наше общеніе съ Богомъ Отцемъ и съ Сыномъ Его Іисусомъ Христомъ (1, 1—3). Главная, значитъ, у св. Іоанна Богослова, какъ и у всѣхъ

Апостоловъ, проповѣдь объ общеніи съ Богомъ чрезъ Господа Іисуса Христа, изъ котораго потомъ вытекаетъ и взаимное общеніе вѣрующихъ. Какъ же теперь останавливаться на послѣднемъ, не имѣя перваго?—Далѣе—задаетъ себѣ святый Іоаннъ вопросъ: кто есть лживый?—и рѣшаетъ его такъ: никто, *развѣ точію отметаяйся, яко Іисусъ нѣсть Христосъ*, и *сей есть антихристъ, отметаяйся Отца и Сына. Всякъ отметаяйся Сына, ни Отца иматъ.—Иже аще исповѣсть, яко Іисусъ есть Сынъ Божій, Богъ въ немъ пребываетъ, и той въ Бозѣ* (2, 22. 23; 4, 15). Стало быть, все дѣло въ исповѣданіи Господа Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ и Богомъ.—Какъ же говорить: вѣруй, какъ хочешь?

Вотъ еще предостереженіе: *Возлюбленніи*, говоритъ, *не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи; аще отъ Бога суть: яко мнози лжепророцы изыдоша въ міръ. О семъ познавайте Духа Божія и духа лестча: всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога есть. И всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога нѣсть: и сей есть антихристовъ* (4, 1—3). Но кто говоритъ: вѣруй. какъ хочешь, тотъ не исповѣдуетъ Іисуса Христа; ибо, если бы исповѣдывалъ, не говорилъ бы такъ. Стало—и онъ нѣсть отъ Бога. Отъ кого же?—И сей, вѣрно, есть антихристовъ.

Наконецъ, все существо Христіанства святой Евангелистъ изображаетъ такъ: *Животъ вѣчный далъ есть намъ Богъ, и сей животъ въ Сынѣ Его есть. Имѣяй Сына Божія, иматъ животъ: а не имѣяй Сына Божія, живота не иматъ* (5, 11. 12). Кто же имѣетъ Сына Божія?—Вѣрующій во имя Его.—Почему, говоритъ, и пишу *вамъ вѣрующимъ во имя Сына Божія*, чтобы вы знали, что вы вѣруя въ Сына Божія, *животъ вѣчный имате* (5, 13).

Слѣдовательно, кто не вѣруетъ въ Сына Божія, живота вѣчнаго не имѣетъ. Какъ же будетъ все равно, какъ хочешь, вѣруй?—Нѣтъ.—*Вѣмы, яко Сынъ Божій пріиде, и далъ есть намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога истиннаго, и да будемъ въ истиннѣмъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ. Сей есть истинный Богъ и животъ вѣчный* (5, 20).

Этихъ извлеченій достаточно, полагаю, чтобы указать индифференистамъ, что они напрасно чаютъ найти опору своей лжи въ ученіи святаго Іоанна Богослова.—Вѣрно, они говорятъ такъ, не читавши никогда его святыхъ и боговдохновенныхъ писаній, а ссылаются на него по слуху о его любвеобильности.—Но пусть они теперь и другое что, кромѣ сего, выставляютъ въ защиту своего ученія, намъ, вѣрующимъ, достаточно одного слова возлюбленнаго ученика Христова, чтобы отвергнуть его и, не колеблясь, вѣровать исключительно тому, что предано отъ Господа чрезъ святыхъ Апостоловъ и содержится Церковію.

Къ симъ рѣшительнымъ словамъ Апостола и Евангелиста Іоанна приложу только одно слѣдующее соображеніе.—Отчуждившись умомъ своимъ отъ Господа, невѣры упираются на благотворную дѣятельность, коей исходище и подпора—точно любовь. Но и это они дѣлаютъ для того только, чтобы на чемъ-либо остановиться, безъ увѣренности, что нашли прочную опору. Ибо еслибъ они имѣли здравое понятіе о томъ, какъ возможна для человѣка плодотворная дѣятельность, никакъ не остановились бы на семъ ученіи. Вѣдь мы теперь не въ правомъ состояніи. Стало, право дѣйствовать не можемъ.— Чтобъ начать намъ право дѣйствовать, надо войти въ правое состояніе.—Сами собою сдѣлать этого не можемъ. Господь, пришедши на землю, возвелъ въ Себѣ человѣчество въ правое состояніе; но возвелъ его

не для Себя, а для того, чтобы люди приняли отъ Него сіе возстановленное человѣчество и чрезъ то получали возможность дѣйствовать право. Принимаютъ же его чрезъ святое крещеніе. Ибо елицы во Христа крестятся, во Христа облекаются. Съ сего времени они становятся едино съ Господомъ и начинаютъ жить Его жизнію и дѣйствовать Его силою. Стало, опирающіеся на любви, или на правой дѣятельности (ибо любовь есть исполненіе закона) должны напередъ принять все учрежденіе Христіанства, чтобы чрезъ то взойти къ возможности дѣйствовать право и, слѣдовательно, отказаться отъ своей лжи. Ибо сего нельзя достигнуть безъ вѣры, которая въ Христіанствѣ есть корень и начало всего.—О семъ такъ говоритъ Самъ Господь: *Будите во Мнѣ, и Азъ въ васъ. Якоже розга не можетъ плода творити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете. Азъ есмь лоза, вы же рождіе. Иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ: яко безъ Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мнѣ не пребудетъ, извержется вонъ, якоже розга, и изсышетъ, и собираютъ ю, и во огнь влагаютъ, и сгараетъ* (Іоан. 15, 4—6). Такъ, когда начнетъ кто толковать вамъ о любви, или плодотворной дѣятельности, помимо истинной вѣры, скажите ему: подожди; прежде увѣруй истинно, по вѣрѣ пріобщись всѣмъ спасительнымъ учрежденіямъ Христіанства;—чрезъ нихъ соединись съ Господомъ, жизнь и силу отъ Него позаимствуй, какъ прививокъ,—и тогда начнешь дѣйствовать благотворно.—То правда, что свидѣтельство истинной жизни есть плодотворная дѣятельность въ любви; но чтобы до ней дойти и въ ней пребывать, надо всю истину Божію воспринять вѣрою и всѣ освятительныя дѣйствія Божіи пройти.—Только при этомъ условіи,—т. е., толь-

ко истинствующе въ любви, можемъ мы возращать всяческая въ Того, Иже есть глава, Христосъ (Еф. 4, 15). Заключимъ такъ: кто не содержитъ правой вѣры, тотъ не можетъ взойти въ правое состояніе, а кто не взойдетъ въ правое состояніе, тотъ не можетъ право дѣйствовать.—Какъ же теперь говорить: вѣруй, какъ хочешь.

Вѣра не есть только образъ познанія Бога и нашихъ къ Нему отношеній; она совмѣщаетъ и всѣ спасительныя учрежденія, Богомъ данныя. Спасительныя учрежденія составляютъ дѣйствующую вѣру. Наши умники, можетъ быть, отъ ученія Христіанскаго еще бы не прочь; но ихъ паче всего отталкиваютъ Христіанскія учрежденія. Какъ сіи учрежденія суть не что иное, какъ вѣра въ дѣйствіи и движеніи; то главный ихъ грѣхъ тотъ, что имъ дѣйствовать въ духѣ вѣры не хочется. Удивляться надо, какимъ образомъ эти люди такъ настойчиво толкуютъ о дѣлахъ и трудахъ, а въ области святой вѣры паче всего отчуждаются отъ дѣятельности. Что-нибудь тутъ не такъ. Вѣдь они знаютъ законы, какъ правильно вести теченіе мыслей.—Если здѣсь кривость такая допускается, то, навѣрно, полагать надо, что они тутъ суть не дѣйствующіе, а дѣемые,—суть орудія чуждой силы,—и при томъ такой, которая сама чужда истины.

Сіе вѣдяще, бр., оградимъ себя отъ злоумія вѣка сего!—Колебаться въ истинѣ могутъ только невкусившіе истины. Смиренно и въ истинномъ духѣ будемъ проходить все, требуемое святою вѣрою нашею. Тогда постоянно будемъ имѣть и носить свидѣтельство въ себѣ, предъ которымъ ничто—всѣ приращенія лжи совнѣ.—Господь да освятитъ насъ всѣхъ истиною Своею. Аминь.

26 сентября, 1865 г.
Въ день св. Апостола и
Евангелиста Іоанна Богослова.

10.

Любовь — вѣнецъ подвижническихъ трудовъ, — изъ тѣснаго пути широкій.

Нынѣ учитъ насъ Господь всесторонней любви по слѣдующему случаю, какъ повѣствуетъ св. Евангелистъ Лука (Гл. 10, 25—28). Законникъ нѣкій приступилъ къ Господу и спросилъ Его о томъ, какъ наслѣдовать *животъ вѣчный*. Законникъ, т.-е. человѣкъ, изучающій данный Богомъ законъ и почивающій на немъ, долженъ былъ и самъ знать сіе. Почему Господь спросилъ его: да—какъ объ этомъ написано въ законѣ, прочитай-ка. Законникъ прочиталъ: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всея души твоея, и всею крѣпостію твоею, и всѣмъ помышленіемъ твоимъ, и ближняго твоего, яко самъ себе.* Тогда Господь сказалъ ему: *право отвѣщалъ еси: сіе твори, и живъ будеши.* Подтвердилъ, т.-е., его отвѣтъ и удостовѣрилъ, что о другомъ пути къ вѣчному животу и спасенію и спрашивать нечего: его нѣтъ и быть не можетъ. Люби Бога и ближняго— вотъ и все.—

Какой краткій Катихизисъ! Какое несложное законоположеніе! Два слова только: люби Бога, люби ближняго. Даже одно слово: люби. Ибо кто истинно любитъ Бога, любитъ уже въ Богѣ и ближняго, и кто истинно любитъ ближняго, любитъ уже и Бога.—За чѣмъ же это такая сложность дѣлъ и отъ лица Божія и отъ людей? Эти завѣты, уставы, освященія, таинства, немалая система ученій? За чѣмъ эти тѣсные врата и узкій путь? За чѣмъ подвиги, коими подвизаются внити

въ узкая врата, и всеоружія, кои воспріять должно идущимъ въ животъ, — посты, бдѣнія, молитва и проч.?

За чѣмъ?

За тѣмъ, чтобъ возвесть насъ къ любви. — Любовь есть цвѣтъ и плодъ въ духовной нашей жизни спасительной. Много труда и потовыхъ подвиговъ надо имѣть надъ собою, чтобы принести сей плодъ. Какъ въ деревѣ плоду предшествуетъ цвѣтъ, цвѣту — листъ и вѣтвь, вѣтви—стволъ, стволу—корень, корню—сѣмя, и сколько времени надо пройти, пока изъ сѣмени прорастетъ древо, — и древо сіе дастъ плодъ: такъ въ духовной жизни—сначала падаетъ на землю сердца сѣмя спасительнаго слова, — изъ сего сѣмени вырастаетъ древо спасительныхъ трудовъ и подвиговъ,—древо сіе потомъ даетъ плодъ, который есть любовь. Она изъ цѣлаго состава спасительныхъ дѣлъ и трудовъ извлекается и потомъ все собою воодушевляетъ и исполняетъ.

Въ истинномъ видѣ, любовь есть рай духовный. Она есть теплое. мирное, благожелательное, живое, присно-движущееся и радостотворное расположеніе, не какъ гость, на время посѣщающій нашу душу, но расположеніе постоянное, твердое, глубокоукорененное, существенно-неотъемлемое, какъ, напр., дыханіе или біеніе сердца. Въ комъ внѣдрено сіе чувство или сія сила, тотъ блаженствуетъ въ себѣ глубокимъ, невозмутимымъ блаженствомъ. Пусть онъ въ постоянномъ трудѣ, но ни труда, ни потовъ, ни скорбей, ни препятствій не видитъ и не ощущаетъ. Ибо самыя трудности въ путяхъ любви не умаляютъ, а возвышаютъ любовь, какъ вѣтръ не гаситъ, а больше и больше усиливаетъ, расширяетъ пламень огня.

Такъ—рай есть любовь; но рай потерянный. Входишь внутрь себя и не находишь его тамъ. На полѣ

сердца не растетъ сіе древо жизни. Спрашивается, отчего?—Оттого, что сердце все зарощено злыми древами страстей, заглушающихъ любовь. Гдѣ страсть, тамъ нѣтъ мѣста любви. Любовь милосердуетъ: какъ же она будетъ въ сердцѣ, когда тамъ качествуетъ окамененное равнодушіе къ страданіямъ другихъ? Любовь не завидуетъ: какъ же она будетъ въ сердцѣ, когда тамъ живетъ завистливость? Любовь не превозносится и не гордится: какъ же она будетъ въ сердцѣ, когда тамъ властвуетъ гордость и тщеславіе? Любовь не ищетъ своихъ си: какъ же она будетъ въ сердцѣ, въ которомъ исходное начало дѣлъ — самолюбіе? Любовь не безчинствуетъ: какъ же она будетъ въ сердцѣ, полномъ страстей безчестія? Любовь не радуется о неправдѣ: какъ же она будетъ въ сердцѣ гнѣвливомъ, зложелательномъ, ненавистливомъ? Любовь вся покрываетъ: какъ же она будетъ въ сердцѣ—склонномъ къ злорѣчію, пересудамъ и клеветамъ? Искорените прежде эти злыя древа страстей, — и на мѣсто ихъ произрастетъ одно многовѣтвистое древо, дающее цвѣтъ и плодъ любви.—

Но начните только искоренять страсти,—и неизбѣжно вступите въ путь тѣсный и прискорбный, встрѣтитесь съ необходимостію облекаться во вся оружія подвиговъ и лишеній, — должны будете проходить всѣ освятительныя, исправительныя и руководительныя законоположенія святой Божіей Церкви.—То-есть, прежде, чѣмъ вступите въ единость любви, должны будете подъять многіе труды и обращать силы свои на многія занятія,—пройти какъ бы лѣсъ, чтобъ вступить въ отрадную, цвѣтами усѣянную поляну.—

Любовь, говоритъ св. Исаакъ Сиріанинъ (Слово 83), есть островъ отрадный, какъ рай сладости. Чтобъ достигнуть его, надо переплыть море страстей. Итакъ,

говорить, сядь на ладью покаянія, посади правчимъ страхъ Божій, распусти паруса воздыханія и сокрушенія сердечнаго, вмѣсто гребцевъ употреби подвиги самоумерщвленія и борьбы со страстьми, — хозяиномъ же приставь строгое вниманіе ко всему производству сего дѣла. Потрудись такъ, и скоро достигнешь искомаго берега и вступишь въ блаженную область любви.—

Такъ, видите,—къ любви приходятъ чрезъ борьбу со страстьми; бороться со страстьми начинаютъ послѣ покаянія; въ покаяніе приходятъ отъ страха Божія; страхъ же Божій раждается отъ искренней вѣры.— Вотъ неизмѣнный путь къ любви! Оживи вѣру, что Богъ есть и взыскующимъ Его мздовоздаятель бываетъ. Сія вѣра воскреситъ страхъ Божій. Страхъ Божій пробудитъ совѣсть и родитъ сокрушеніе и раскаяніе. Раскаяніе увѣнчается рѣшимостію — не оскорблять болѣе Бога грѣхами, не поблажать злымъ страстямъ, а неуклонно идти путемъ добродѣтели. Сей трудъ заморитъ страсти и очиститъ сердце. Чистое же отъ страстей сердце есть область любви. Когда достигнешь сего, тогда уже иного ничего не будетъ нужно. Всѣмъ будешь обладать; ибо будешь обладать Богомъ и будешь обладаемъ отъ Бога. *Пребываяй въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ* (1 Іоан. 4, 16). А гдѣ Богъ, тамъ все, чего только можно желать, или чаять душѣ. Будетъ съ тобою то же, что со зданіемъ. Когда строятъ его, оно все загромождено подмостками, а когда отстроятъ, всѣ подмостки прочь принимаютъ,— и зданіе является во всей красотѣ. Такъ и въ духовной жизни, когда придетъ любовь, все предшествовавшее, что было необходимо для достиженія любви, отпадетъ само собою. Будетъ царить одна любовь и одна будетъ все производить, восполнять и совершать.—

Но помни, что путь къ полной совершенной любви не близокъ и не легокъ. Потому, слушая разглагольствіе юныхъ филантроповъ, не поддавайся легкомысленно обольстительному кличу: все прочь,—довольно одной любви.—Подожди припимать все прочь. Прежде пройди терпѣливо все, предлагаемое тебѣ правилами благочестивой жизни въ св. Церкви,—все отъ мала до велика. Чрезъ это достигнешь истинной любви. Любовь же истинная, пришедши, сама научитъ тебя, что сдѣлать со всѣмъ тѣмъ, что не нужнымъ считаетъ незрѣлая и неопытная филантропія. Если бъ слово наше къ себѣ самимъ было такъ сильно, что тотчасъ, какъ сказали бъ мы себѣ: отселѣ буду любить Бога и ближнихъ,—любовь воцарилась бы въ сердцѣ нашемъ, хорошо бы такъ.—А то на дѣлѣ бываетъ большею частію совсѣмъ иначе. Когда мысль и языкъ говорятъ: буду любить, сердце идетъ наперекоръ симъ словамъ и помышленіямъ, и, когда представляются дѣла любви, отказывается отъ нихъ—даже въ минуты увлеченія филантропическими идеями.—Отчего такъ?—Оттого, что сердце сіе закалено эгоизмомъ, гордостію, чувственностію, корыстію, которыхъ не прогонишь одними новомодными фразами. Почему Апостолъ, когда пишетъ о любви, говоритъ: *гоните любовь* (1 Тим. 6, 11), т.-е., усиленно стремитесь къ любви, или *стяжите любовь* (Кол. 3, 14)—употребите напряженный трудъ къ пріобрѣтенію ея, и молитесь, чтобъ Богъ даровалъ вамъ духъ любви (2 Тим. 1, 7): ибо любы отъ Бога есть (1 Іоан. 4, 7), изливается въ сердца наша Духомъ Святымъ (Рим. 5, 5). А даръ Духа надо заслужить и привлечь: чего недостигнешь одними словами. Будемъ же, бр., терпѣливо нести всѣ, законоположенные св. Церковію и вѣрою, труды и подвиги къ очищенію сердца, чтобъ достиг-

нуть любви, усердно молясь притомъ, да дастъ намъ Господь, силою утвердиться Духомъ Его во внутреннѣмъ человѣцѣ, вселитися Христу вѣрою въ сердца наша, чтобъ, въ любви вкоренени и основани, возмогли мы уразумѣть со всѣми святыми, что широта, и долгота, и глубина, и высота,—разумѣти же и преспѣющую разумъ любовь Христову, да исполнимся во всяко исполненіе Божіе (Еф. 3, 15—19). Аминь.—

10 ноября 1863 г.
Въ недѣлю 25-ю по
Пятидесятницѣ.

11.

Побужденіе любить Господа, и чѣмъ свидѣтельствуется сія любовь.

Какія дивныя эти жены Мvроносицы! Какъ крѣпко увѣровали онѣ во Христа Спасителя и какъ сильно прилѣпились къ Нему? Недовольно имъ было сопровождать Его въ своей странѣ, въ Галилеѣ; идутъ вслѣдъ за Нимъ въ Іерусалимъ, и здѣсь не оставляютъ Его, даже несущаго крестъ, распятаго и во гробъ полагаемаго. Пусть тамъ видѣли онѣ Его, окруженнаго славою чудесъ. Онъ исцѣлялъ, воскрешалъ, бѣсовъ изгонялъ и повелѣвалъ стихіями. Было бы дивно, если бъ онѣ не стремились вслѣдъ за Нимъ. А то здѣсь Онъ всѣми оставленъ, уничиженъ, изъязвленъ, распятъ, положенъ во гробъ;—а онѣ все не оставляютъ Его, и зѣло рано заутра по субботѣ, презрѣвъ всякій страхъ, идутъ на гробъ, да помажутъ тѣло возлюбленнаго, яко Бога, Іисуса. Вотъ вѣрность даже до гроба! Вотъ постоянство, непоколебимое никакими превратностями!

Гдѣ же взяли онѣ, слабыя, такую силу?!—Въ любви ко Господу нелицемѣрной. — Любовь крѣпка, какъ

смерть. Она всегда вѣруетъ, всегда уповаетъ, всегда остается преданною,—и ни по какимъ причинамъ стороннимъ не согласится разорвать союза своего съ любимымъ. Ею-то укрѣпляемыя св. жены напередъ въ точности исполнили то, что потомъ Апостолы внушали всѣмъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія? Скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ;* ничтоже (Рим. 8, 35).

Прошлый разъ словами Господа: не будь невѣренъ, но вѣренъ, я приглашалъ васъ быть вѣрными Господу. Вотъ нынѣ въ такомъ разительномъ примѣрѣ вѣрности указывается намъ и самое дѣйствительное къ тому средство въ любви.—Итакъ, хотите быть навсегда вѣрными Господу, возлюбите Господа. —Коль скоро возлюбите,—нечего будетъ вамъ и толковать о вѣрности: ибо отличительное свойство любви есть постоянство въ вѣрности любимому.

Но, бр., говоря къ вамъ: возлюбите Господа, самъ колеблюсь мыслію, опасаясь встрѣтить отъ васъ обличеніе себѣ въ недовѣріи къ вамъ; ибо всяко спросить вы можете: кому говоришь ты это:—возлюбите Господа! Развѣ мы не знаемъ, что есть Господь нашъ для насъ, и что мы безъ Него? Развѣ не знаемъ, что мы были овцы заблужденія,—а Онъ, какъ пастырь добрый, взыскалъ насъ и, взявъ на рамена Свои, принесъ къ небесному Отцу Своему (Лук. 15, 5)? Развѣ не знаемъ, что мы были путники, въ разбойники впадшіе, ограбленные и смертоносною уязвленные раною,—а Онъ, ближнимъ нашимъ содѣлавшись, склонился къ намъ, лежащимъ, и елеемъ милости Своея язвы наши исцѣлилъ (Лук. 10, 30—35)? Развѣ мы не знаемъ, что мы были плѣнники, узами врага нашего связанные, а Онъ, сильный въ крѣпости, врага нашего связалъ, узы наши

разрѣшилъ и возвратилъ плѣненіе душъ нашихъ? Развѣ не знаемъ, что мы были преступники и отступники, отверженные отъ лица Божія, а Онъ заступился за насъ предъ судомъ Божіимъ и сталъ посредникомъ, ходатаемъ и примирителемъ между нами и Богомъ? Развѣ не знаемъ, что мы были должники, не могшіе заплатить долга своего, и вѣчною мукою уплачивать его долженствовавшіе, — а Онъ долгъ нашъ взялъ на Себя и правдѣ Божіей все сполна уплатилъ за насъ? И все сіе Онъ сдѣлалъ для насъ не чрезъ другаго кого-нибудь, а Самъ Собою. Самъ Своимъ лицемъ по землѣ странствовалъ, чтобы взыскать насъ, заблужденныхъ. Самъ былъ связанъ, и Своими собственными узами наши узы растерзалъ. Самъ былъ уязвленъ, и Своею собственною язвою насъ, изъязвленныхъ, исцѣлилъ. Самъ не сребромъ и златомъ, а Своею честною кровію долгъ нашъ заплатилъ. Самъ ради насъ, умершихъ, на древѣ крестномъ умеръ, и Своею смертію нашу смерть умертвилъ и Своимъ крестомъ отверзъ намъ дверь къ вѣчному животу и блаженству. Какъ же намъ не любить такого Господа?!

Праведно это ревности по Господѣ исполненное оправданіе ваше, бр.!—И я вмѣстѣ съ вами проговорю: Какъ не любить Господа и Спасителя нашего, съ любовію покланяемаго и славимаго Ангелами и всѣми святыми? Какъ не любить Христа Іисуса—оправданіе наше, упованіе наше, животъ нашъ, славу нашу, помощника и заступника нашего, побѣдителя смерти, ада и всѣхъ враговъ нашихъ? Какъ не любить намъ такого высокаго Благодѣтеля, благодѣянія Коего слово человѣка достойно описать не можетъ!

Но, бр., не любимъ словомъ только, но дѣломъ и истиною. Ибо не въ словахъ царствіе Божіе, но въ силѣ.

Какъ намъ не любить Господа? это одинъ вопросъ, налагающій на насъ обязательства любви. Но—любимъ ли мы Господа, это другой вопросъ,—приводящій къ самоиспытанію и опасливому себя разсужденію. Станемъ же теперь предъ судомъ истины съ дѣлами нашими, чтобъ видѣть, есть ли въ насъ въ самомъ дѣлѣ любовь, отсутствіе которой въ насъ такъ должно быть изумительно.—Вотъ какъ св. Тихонъ научаетъ насъ производить сіе самоиспытаніе! (Част. 5-я, стр. 250—и дал.).

1) Любитель, говоритъ онъ, съ любимымъ всегда совокупно и неразлучно быть желаетъ. Такъ другъ съ любимымъ своимъ другомъ всегда хочетъ быть неразлучно не только въ счастіи, но и въ несчастіи. И если когда разлучаются друзья,—болѣзнуютъ, сѣтуютъ и плачутъ; ибо любовь не терпитъ разлученія отъ любимаго. И хотя вѣрные и любимые друзья тѣломъ иногда разлучаются, но духомъ и сердцами неразлучны пребываютъ: ибо любовь двухъ во едино совокупляетъ и связуетъ. Такъ и кто любитъ Христа сердцемъ, тотъ со Христомъ всегда неразлучно быть желаетъ, какъ Ап. Павелъ, засвидѣтельствовавшій, что онъ желаніе имѣлъ разрѣшитися и со Христомъ быти (Фил. 1, 23), или какъ невѣста, въ пѣсняхъ пѣсней взывавшая: уязвлена есмь любовію азъ.

Такъ ли сіе у насъ, бр.?

2) Любитель любимаго всегда въ сердцѣ своемъ носитъ; ибо любовь въ сердцѣ мѣсто свое имѣетъ, и съ любимымъ едино бываетъ. Такъ сынъ отца, и другъ, любезнаго друга, хотя и отсутствующаго, въ сердцѣ объемлетъ: чего ради часто о немъ поминаетъ, думаетъ и разговоры ведетъ съ другими. Такъ кто Христа Сына Божія любитъ, тотъ всегда въ сердцѣ своемъ духовно объемлетъ и носитъ Его, а отсюда часто о Немъ поми-

наетъ, размышляетъ и разсуждаетъ о человѣколюбивомъ и спасительномъ Его смотрѣніи, рожденіи, на землѣ пожитіи, терпѣніи, страданіи, смерти, воскресеніи, вознесеніи, одесную Бога Отца сѣдѣніи, и радуется о томъ, и удивляется тому, и со усердіемъ Ему за то со Отцемъ и Св. Духомъ благодаритъ.

Такъ ли это у насъ, бр.?

3) Любитель нраву любимаго послѣдуетъ и подражаетъ. Истинное дружество не можетъ быть, какъ между добрыми и единоправными. Нѣтъ сообщенія смиренному съ гордымъ, трезвому съ пьяницею, цѣломудренному съ нечистымъ, милостивому съ жестокосердымъ и хищникомъ. Такъ и Христа любящій тщится послѣдовать преблагимъ и Божественнымъ нравамъ Его: бываетъ смиренъ и терпѣливъ, и чистосердеченъ, милостивъ и сострадаленъ—ради единаго того, что Христосъ есть таковъ,—и такіе имѣетъ нравы и добродѣтели.

Такъ ли сіе у насъ, бр.?

4) Любитель съ любимымъ одинаково о всемъ мыслитъ, и не только мыслитъ одинаково, но и слова его, и обороты рѣчи его себѣ усвояетъ, и за честь себѣ ставитъ и пріятность его словомъ свое слово подтвердить и его мыслію свою оправдать мысль:—такъ Христа любящій умомъ Христовымъ о всемъ умствуетъ, и словомъ Евангельскимъ о всемъ разглагольствуетъ, и на всѣ вопросы одинъ съ твердостію даетъ отвѣтъ: такъ Христосъ Господь Самъ сказалъ и такъ повелѣлъ намъ всѣмъ говорить и думать.—Спроси Его: почему думаешь, что Богъ. единый по существу, троиченъ въ лицахъ,—онъ отвѣтитъ: такъ Христосъ Господь сказалъ.—Почему думаешь, что Богъ міръ создалъ и о немъ промышляетъ?—Такъ Христосъ сказалъ.—Почему думаешь, что намъ едино спасеніе въ вѣрѣ въ Господа распятаго и

воскресшаго? Такъ Христосъ сказалъ. — Почему такъ охотно Церкви повинуешься?—Такъ Христосъ повелѣлъ. Почему таинства пріемлешь? Такъ Христосъ узаконилъ. Почему чаешь воскресенія и жизни будущаго вѣка?— Такъ Христосъ увѣрилъ, и проч.—И ни о чемъ не позволяетъ себѣ любящій Христа умствовать иначе, нежели какъ повелѣлъ Господь умствовать.

Такъ ли сіе, бр., у насъ?

5) Любитель волю любимаго исполняетъ. Такъ и любящій Христа съ волею Его святою во всемъ согласуется. Любяй *Мя, заповѣди Моя соблюдаетъ,* говоритъ Самъ Господь. Любитель любимаго бережется оскорбить. Такъ любящій Христа Господа бережется всякаго грѣха ради того единаго, что имъ оскорбляется Христосъ. Любитель жалѣетъ, когда любимаго чѣмъ оскорбитъ; такъ любящій Христа, когда согрѣшитъ въ чемъ предъ Нимъ, сокрушается, жалѣетъ, окаяваетъ себя и со смиреніемъ и горячимъ исповѣданіемъ своего грѣха уничиженно падаетъ предъ Нимъ и самъ себя считаетъ всякаго наказанія достойнымъ. Любитель любитъ и того, кого любимый любитъ. Такъ Христіанинъ, любящій Христа, любитъ всякаго человѣка Христа ради.—Любитель не любитъ того, чего не любитъ любимый. Такъ Христіанинъ любящій не любитъ міра, ни яже въ мірѣ, ибо любы міра вражда Богу есть. Истинная любовь до того достигаетъ, что любитель за любимаго умереть не отрекается. Такъ и истинному Христову любителю пріятнѣе всякую горесть и всякую смерть потерпѣть, нежели отъ Христа и Христовой любви разлучиться.

Такъ ли все сіе у насъ, бр.?

Таковы признаки и явленія истинной любви къ Господу нашему Іисусу Христу! поставимъ ихъ на одну сторону, а свои слова, дѣла, мысли, чувства и распо-

ложенія на другую. И посмотримъ, есть-ли между тѣмъ и другимъ соотвѣтствіе и сходство? Ахъ, бр., не пришлось бы намъ—послѣ сего съ недоумѣніемъ вопросить: какъ же это не достаетъ въ насъ любви, которой, казалось, нельзя бы не быть въ насъ? Вмѣсто увѣренія: кто ны разлучитъ отъ любви Христовой, не пришлось бы съ смятеніемъ и безпокойствомъ поискать: кто научитъ и кто привлечетъ насъ ко Христу Господу?! Вмѣсто самооправданія: какъ намъ не любить Господа,—изъявить смиренное желаніе научиться, какъ полюбить Его любовію истинною!

Какъ бы ни отвѣтила на сіе совѣсть ваша, скажу вамъ, что если дѣйствительно есть у кого оскудѣніе любви къ Господу, то оно не отъ чего другаго, какъ отъ присутствія любви къ міру. Нельзя любить двѣ противоположности—міра и Христа. Чѣмъ больше міролюбія, тѣмъ меньше Христолюбія; и, наоборотъ, чѣмъ больше Христолюбія, тѣмъ менѣе міролюбія. Это двѣ вѣсовыя части, одна другую перетягивающія.—Хотите усилить любовь къ Господу, умальте любовь къ міру погибельному и ко всему мірскому.

И въ то же время начинайте ходить вѣрнѣе въ проявленіяхъ любви Христовой. Гдѣ есть любовь, тамъ она проявляется указанными выше дѣйствіями. — И обратно можно.—Пусть нѣтъ еще любви, начни ходить въ дѣйствіяхъ любви, и стяжешь любовь. Начни съ малаго, оно приведетъ къ большему, — и умноженіе дѣйствій любви умножитъ любовь, ибо трудъ разгорячаетъ. —И св. жены Мvроносицы не вдругъ, такъ возгорѣлись любовію; но начали съ малаго расположенія, а дѣлами любви къ Господу до того возвели любовь свою къ Нему, что и въ смерти не хотѣли разлучиться съ Нимъ. И трудъ-то весь только до того времени,

когда сердце сподобится вкусить любовь ко Господу, хотя мало. Когда же вкуситъ, тогда за сладость сію все отдастъ, ничего не жалѣя и ничего себѣ не оставляя. Вкусите и увидите, яко благъ Господь,—увидите, что все благо наше въ Немъ. А когда увидимъ сіе, куда пойдемъ, когда въ Немъ найдемъ источникъ живота вѣчнаго! Сіе да даруетъ Господь всѣмъ намъ молитвами св. женъ Мνроносицъ. Аминь.

3 мая, 1864 г.
Въ недѣлю женъ Мνроносицъ.

12.

Какъ научиться любить Господа.

Прошлый разъ учили насъ любви святыя жены Мνроносицы. Нынѣ тому же поучаетъ святый Іоаннъ Богословъ, паче всѣхъ любившій Господа и паче другихъ любимый Имъ. Напишемъ же въ умѣ своемъ сей образецъ любви, и начнемъ по нему настроивать свои чувства и расположенія въ отношеніи къ Господу.

Какъ св. Іоаннъ Богословъ дошелъ до такой высокой любви къ Господу, что для всѣхъ сталъ образцемъ въ любви сей?—Такъ же, думаю, какъ и люди начинаютъ любить другъ друга.—Видятъ красоту и доброту другаго,—и располагаются къ нему горячею любовію. Такъ и св. Іоаннъ Богословъ,—зрѣлъ красоту Господню и расположился къ Нему, ощутилъ особенную Его любовь къ себѣ, и самъ согрѣлся любовію къ Нему,—видѣлъ великія, дивныя и благотворныя дѣла Господа, и воспламенился огнемъ благоговѣйной и всецѣлой Ему преданности, — вкусилъ сладость любви къ Нему, и, самъ погрузясь въ нее всѣмъ сердцемъ, упокоился въ ней. — Вотъ путь восхожденія въ любовь къ Господу.

Вступимъ и мы на него и, конечно, достигнемъ желаемаго.

Во-1-хъ, —зрѣлъ св. Іоаннъ красоту Господа, и расположился къ Нему. Такъ зараждается и людская любовь: Видятъ красоту душевную, или тѣлесную, и начинаютъ любить другъ друга. Возведемъ же и мы умъ свой къ созерцанію красоты Господа, и, вѣрно, не останемся холодными и равнодушными къ Нему. Красота Господа есть совокупность Его совершенствъ. „Посмотри,—чего нѣтъ у Господа“, говоритъ св. Тихонъ. Чего бы ты не пожелалъ, все то есть у Него, и есть въ неописанной и неистощимой полнотѣ (Ч. 7, стр. 270). Блаженства ли желаешь? Истинное и вѣчное блаженство у Него. Красоты ли ищешь,—Онъ краснѣйшій добротою паче всѣхъ человѣкъ (Псал. 44, 3). Благородства ли хочешь,—кто благороднѣе Сына Божія?—Чести ищешь,—кто честнѣе и выше Царя небеси? Мудрости ли ищешь,—ѵпостасная Божія премудрость Онъ есть! Веселіе ли любишь,—радость и веселіе блаженныхъ духовъ, и избранныхъ Божіихъ—Онъ есть. Утѣшеніе ли потребно тебѣ, — кто утѣшитъ тебя, кромѣ Іисуса? Покоя ищешь? Онъ есть покой вѣчный душамъ, любящимъ Его. Живота желаешь? У Него источникъ живота. Заблудиться опасаешься? Онъ есть путь. Прелести ли боишься, Онъ есть истина. Смерти ли страшишься,—Онъ есть животъ, какъ Самъ удостовѣрилъ: *Азъ есмь путь, истина и животъ.*—Словомъ—всякое совершенство, и всякая красота и доброта, которыхъ не можетъ не любить человѣческая душа, у Него есть. Понудь умъ свой постигнуть сіе, и не можешь не возлюбить Господа, подобно Екатеринѣ великомученицѣ, которая въ томъ, кого полюбить обѣщалась, желала видѣть такую красоту, какая была у ней,—такое же

богатство, какимъ сама обладала, и такую же мудрость. какою сама хвалилась, полагая, что во всемъ мірѣ не найдется такое лице. А когда познала Господа, то сравнительно съ Его красотою, мудростью и богатствомъ— все свое сочла ничтожнымъ и презрѣннымъ, и всецѣло къ Нему прилѣпясь, и свое все, и себя самое принесла Ему въ жертву.

Во-2-хъ, — ощутилъ св. Іоаннъ Богословъ любовь Господа къ себѣ, и самъ согрѣлся любовію къ Нему. Какъ огонь отъ огня, такъ и любовь отъ любви.— Искренняя и безкорыстная любовь—ощущенная—всегда возбуждаетъ соотвѣтствіе. Войдемъ же въ ощущеніе любви Господней, и воспламенимся любовію къ Нему. „Чего не дѣлалъ Сынъ Божій ради насъ?“ говоритъ свят. Тихонъ (Там., стр. 268. 269), чего не изобрѣлъ? Чего не претерпѣлъ и не пострадалъ ради убогой и бѣдной души нашей? Какихъ трудовъ и болѣзней не подъялъ, чтобъ насъ, отпадшихъ, привесть къ Небесному Отцу Своему? Насъ ради сошелъ съ небесъ, чтобъ насъ, изгнанныхъ изъ рая, на небо возвесть. Насъ ради родился плотію, чтобъ насъ, отрожденныхъ духомъ, Себѣ присвоить. Насъ ради смирился, чтобъ насъ возвысить. Насъ ради обнищалъ, чтобъ насъ, убогихъ, обогатить. Насъ ради безчестіе и раны претерпѣлъ, чтобъ насъ исцѣлить и прославить. Насъ ради умеръ, чтобъ насъ, умершихъ, оживить. Вотъ до какого снисхожденія и смиренія довела Его презѣльная Его къ намъ любовь и сострадательное милосердіе.“—Не испыталъ ли и каждый изъ насъ на себѣ самомъ вѣянія Божіей любви сей? Сколько разъ отбѣгали мы отъ Него чрезъ грѣхи? И всякій разъ, за одно слово: виноватъ, не буду,—опять бывали принимаемы въ милость Его. Сколько разъ прогнѣвляли Его, вдаваясь во вкушеніе

благъ міра?—Но когда обращались, снова бывали допускаемы къ трапезѣ Господней, вкушенію тѣла Его и питію крови Его. Не объятія ли это любви Его милосердной!!—Христосъ посредѣ насъ и въ обычной жизни.—Кто не испыталъ попечительной близости Его—въ избавленіи отъ бѣдъ, болѣзней, горестей, трудныхъ обстоятельствъ и всякой нужды душевной и тѣлесной?! Можно ли не отвѣтить на такую великую любовь, и всѣмъ сердцемъ не обратиться къ такому неотступному любителю? Можно, конечно, по разсѣянности и невниманію, забывать о такой любви Господа къ намъ. Но, познавши и приведя на память, нельзя не ощущать и у себя движеній любви къ Господу, какъ бы ни было у кого грубо сердце. Кто же постоянно будетъ ходить въ ощущеніи любви Господней, постоянно будетъ и самъ пламенѣть къ Нему любовію. Такова уже природа любви!

Въ 3-хъ,—вкусилъ св. Іоаннъ сладость любви ко Господу, и совершеннымъ покоемъ упокоился на лонѣ ея. Любовь, сама въ себѣ, есть преимущество, съ которымъ никакое другое сравниться не можетъ,—сама съ собою приноситъ благо, выше котораго нѣтъ ни на небѣ, ни на землѣ. *Любяй Мя*, говоритъ Господь, *возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ;* и еще: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ Его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 21. 23). О, какъ утѣшительно слово сіе! Коль великія и высокія обѣтованія предлагаетъ и даетъ любителю Своему Сынъ Божій,—такъ что истинный Христовъ любитель дружество имѣетъ съ Отцемъ и Сыномъ Его!—Умъ человѣческій не постигаетъ сей благости Божіей. Богъ великій, безконечный и непостижимый съ человѣкомъ созданнымъ и рабомъ Своимъ дружество хочетъ

имѣть, и имѣетъ, когда кто самъ себя отъ того не отлучаетъ. *Общеніе наше со Отцемъ и Сыномъ Его Іисусомъ Христомъ* (1 Іоан. 1, 3), говоритъ св. Іоаннъ: а гдѣ Отецъ и Сынъ, тамъ и Духъ Святый не отлученъ. Смотрите, чего сподобляется любитель Христовъ! Сподобляется быть домомъ и жилищемъ Пресвятыя Троицы. Богъ тріѵпостасный—Отецъ, Сынъ и Св. Духъ благоволитъ благодатно обитать въ немъ. *Богъ любы есть, и пребываяй въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ* (1 Іоан. 4, 16). Блаженно воистину таковое сердце! Оно еще здѣсь чувствуетъ радость, которая изобильно изліется въ сердца избранныхъ въ вѣчной жизни,—оно самою вещію вкушаетъ, сколько благъ Господь,—и имѣетъ то, что сказано: *се царствіе Божіе внутрь есть васъ.* Ибо, гдѣ Самъ Богъ, тамъ съ Нимъ и все Его. Если Богъ въ тебѣ за любовь твою, то ты будешь имѣть Его оправданіе противъ грѣховъ твоихъ, избавленіе противъ плѣненія твоего, миръ противъ злой совѣсти твоей, отраду противъ скорби твоей, утѣшеніе противъ печали твоей, оправданіе противъ суда Божія, помощь противъ враговъ твоихъ,—разумъ и мудрость противъ невѣдѣнія и недоумѣнія твоего,—укрѣпленіе въ слабости твоей (свят. Тихонъ, тамъ же). Если Господь, любви ради твоей, въ тебѣ,—то кто противъ тебя, и какое бѣдствіе приключится тебѣ? Если Онъ—покой твой—въ тебѣ, то кто и что обезпокоитъ тебя? Если Онъ—радость и утѣшеніе твое—въ тебѣ, то кто и что можетъ оскорбить и опечалить тебя? Если Онъ—сила Твоя—въ тебѣ, то кто можетъ одолѣть тебя? Если Онъ—царь твой—въ тебѣ, то кто можетъ поработить тебя? *Аще Богъ по насъ, то кто на ны*, дерзновенно взываетъ Ап. Павелъ съ любящими Господа (Рим. 8, 31). Такова любовь, и вотъ что приноситъ она съ

собою! Входящій въ любовь Господню чувствуетъ, что онъ все болѣе и болѣе полнѣетъ и совершенствуется. Ибо *любовь есть союзъ совершенства* (Кол. 3, 14).

Такъ, хочешь ли возлюбить Господа, напрягайся созерцать красоту Его, или полноту Его совершенствъ умомъ своимъ, ощутить теплоту любви Его желаніемъ твоимъ и вкусить сладость самой любви сердцемъ твоимъ. Любви нельзя научить: она совершается по сокровенному совѣщанію сердца съ самимъ собою, — засѣменяется тайно и зрѣетъ невѣдомо какъ, подобно сѣмени, брошенному въ землю, которое, невѣдомо для сѣятеля, само собою прозябаетъ, даетъ стебль, колосъ и зерно въ колосѣ. Тайно засѣменяется любовь, всегда однакожъ отъ дѣйствія на сердце предмета любимаго. Обращай умомъ предъ сердцемъ своимъ свѣтлый ликъ Господа—любвеобильнаго и достолюбезнаго, и уканетъ отъ очей Его искра въ сердце твое, и воспламенитъ его любовію къ Нему. Кто предъ огнемъ стоитъ, согрѣвается, и кто умомъ и сердцемъ обращается къ Господу, Который есть огнь духовный, отъ Него принимаетъ теплоту Его любви, и изъ себя къ Нему начинаетъ испускать теплое расположеніе. *Любы Божія изливается въ сердца наша Духомъ Св.* (Рим. 5, 5), учитъ Апостолъ. Она есть даръ, но даръ, готовый всякому ищущему: возжелай только и взыщи, и тотчасъ получишь. Какъ Господь всѣхъ объемлетъ: то нельзя бы не любить Его; но какъ не всѣ обращаются къ Нему и ищутъ Его, то не всѣ и возлюбляютъ Его. Онъ прежде насъ возлюбилъ, и намъ слѣдовало бы возлюбить Его, хотя вслѣдъ любви Его. Но мы прежде Его возлюбляемъ иное нѣчто — не угодное Ему и не благословенное Имъ, — и не имѣемъ уже болѣе, чѣмъ возлюбить Его; ибо одно имѣемъ сердце, а не два,—почему и не можемъ рабо-

тать вмѣстѣ Богу и мамонѣ. Припомните, братіе, что *любы міра вражда Богу есть* (Іак. 4, 4). *Вражда Богу!*— Не страшно ли это? Но и еще страшнѣйшее есть слово: *аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ, маран-аоа* (1 Кор. 16, 22). Такъ изрекла ревностная любовь къ Господу Апостола Павла.

Все сіе помысля, братіе, потрудимъ себя возлюбить Господа всею душею нашею, всѣмъ сердцемъ нашимъ, всею крѣпостію нашею,—или лучше—возбудить спящую въ насъ любовь къ Нему, и привесть ее въявь и дѣйствіе, видное и намъ и другимъ. Аминь.

8 мая, 1864 г.
Въ день св. Апостола
и Евангелиста Іоанна Богослова.

13.

Признаки любви къ Господу, и какъ преуспѣть въ ней?

Вняли-ль вы, бр., тому, что читалось въ концѣ нынѣшняго Апостола? Говоритъ тамъ святый Павелъ къ Коринѳянамъ: *аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ, маранъ-аѳа!* (1 Кор. 16, 22).

Остановясь на семъ грозномъ приговорѣ мыслію, я сначала хотѣлъ пригласить васъ—возблагодарить Господа отъ радости, что приговоръ сей долженъ миновать — не касаться — насъ, какъ Христіанъ. Ибо мы потому Христіане, что Христовы; а если Христовы, то, конечно, пребываемъ въ любви Его, какъ и Онъ въ нашей. И Апостолъ не предполагаетъ отсутствія любви къ Господу въ Христіанахъ, и этимъ страшнымъ судомъ поражаетъ только тѣхъ, кои остаются внѣ общенія со Христомъ.—Пусть страшатся потому сего приговора, думалъ я, язычники и невѣры,—чуждые Христу и лишающіе себя всѣхъ благъ, даруемыхъ намъ

въ Господѣ, а не мы, призванные быть причастниками Божескаго во Христѣ естества.—Но потомъ подошли мысли безпокойныя и за себя и за другихъ.—Ну, какъ и въ насъ нѣтъ любви!—Она должна быть; но можетъ и не быть, — и отсутствіемъ своимъ подвергать насъ осужденію, изреченному Апостоломъ.

Войдемъ же въ себя, чтобъ опредѣлить, есть ли въ насъ любовь; и если окажется, что ея нѣтъ, или она слаба, позаботимся возгрѣть ее, чтобъ не быть осужденными вмѣстѣ съ нелюбящими Господа.

Есть ли въ насъ любовь къ Господу,—сердце скажетъ. Какъ если любимъ кого изъ людей, теплое чувство къ тому человѣку даетъ намъ знать о сей любви: такъ и о любви къ Господу даетъ намъ знать теплое обращеніе и устремленіе къ Нему мыслей и сердца. Кто кого любитъ, тотъ того непрестанно содержитъ въ мысли. Кто кого любитъ, тотъ старается угождать тому во всемъ, желаніе его узнавать и упреждать исполненіемъ. Кто кого любитъ, тотъ на того во всемъ полагается и увѣренъ, что не будетъ имъ оставленъ, Кто кого любитъ, тотъ себя ему и его себѣ присвояетъ. Кто кого любитъ, тотъ за того стоитъ,—и никому не позволитъ не только дѣлать, но и говорить что противъ него. Кто кого любитъ, тотъ о дѣлахъ его радѣетъ и всякій ущербъ отъ нихъ отклонить старается. Кто кого любитъ, тотъ того прославляетъ и радуется, когда имя его славится повсюду. По симъ дѣйствіямъ обыкновенной между нами любви судите и о любви къ Господу.

Если содержите непрестанно Господа въ мысляхъ, то вы Его любите; а если не содержите или мало содержите,—не любите или мало любите.—Если ревнуете во всемъ угождать Господу точнымъ исполненіемъ воли Его, выраженной во святыхъ заповѣдяхъ Его, то вы

Его любите, а если не ревнуете о семъ или мало ревнуете, то не любите или мало любите.– Если имѣете теплое чувство къ Господу,—такъ что одно имя Его сладостію духовною исполняетъ сердце ваше, то вы Его любите, а если не имѣете его или мало имѣете, то не любите или мало любите. — Если носите въ сердцѣ глубокое увѣреніе, что Господь есть вашъ Господь, и вы Его,—и что Онъ никогда не оставитъ васъ, ни въ сей жизни, ни въ будущей,—увѣреніе, которое есть плодъ и слѣдъ любви,—то вы Его любите; а если нѣтъ въ васъ сего или мало есть, то вы Его не любите или мало любите. — Если вы готовы стоять за Господа до положенія живота и терпѣть не можете, чтобъ кто не только дѣлалъ и говорилъ, но и думалъ что противъ Него; если радѣете о дѣлахъ Господа—о святой Церкви и о всемъ, что въ ней положено спасенія ради нашего, и всякій отъ нихъ ущербъ отклонить стараетесь; если радуетесь умноженію славы имени Христова по лицу земли, чрезъ распространеніе и утвержденіе истинной вѣры въ Него,—о всемъ же противномъ сему сѣтуете, скорбите и раздираетесь душею; то вы Его любите, а если этого нѣтъ въ васъ или мало есть, то вы Его не любите или мало любите.—

Вотъ признаки! По нимъ судите, есть ли въ васъ любовь или нѣтъ. И если есть, радуйтесь и еще сильнѣйшею ее содѣлать поревнуйте; а если нѣтъ или мало есть, поскорбите и поустрашитесь,— и возгрѣть ее поспѣшите. Ибо какъ не любить Господа и Спасителя нашего?—Онъ Самъ пришелъ къ намъ на землю, и въ рабіи зракѣ спасеніе наше совершилъ.—Онъ Церковь святую устроилъ и Духомъ благодати ее исполнилъ.—Онъ каждаго изъ насъ призвалъ въ общеніе спасительныхъ Своихъ благъ; каждому простилъ и про-

щаетъ грѣхи; каждому даетъ даръ Святаго Духа; каждаго питаетъ Своею пречистою плотію и кровію; каждаго блюдетъ какъ мать—дитя; о каждомъ печется и всѣ слѣды жизни его назираетъ и устрояетъ; къ каждому приближается и каждаго носитъ какъ бы на рукахъ Своихъ.—Какъ не любить такого Господа?!—Онъ не общій только есть Спаситель, а мой и твой,—и каждаго лично. Душу каждаго пріемлетъ, въ душу каждаго влагаетъ благія мысли, душѣ каждаго подаетъ силу и крѣпость на совершеніе благихъ дѣлъ и неуклонное теченіе прямымъ путемъ къ Нему, какъ бы онъ тернистъ ни былъ. — Какъ же не любить такого Господа?! Людей-благодѣтелей любимъ, Бога-всеблагодѣтеля какъ не любить?—Людей-попечителей любимъ, Бога-всепопечителя, какъ не любить?—Людей-охранителей любимъ, Бога-всеохранителя какъ не любить?..—Онъ прежде насъ возлюбилъ, чтобъ научить насъ любви и сдѣлать безотвѣтною нашу къ Нему нелюбовь. Воспріими чувствомъ свидѣтельства любви Божіей къ тебѣ, — и увидишь, какъ виновна твоя нелюбовь къ Нему, и какъ справедливо строгое осужденіе за нее.

Слыша сіе иной, можетъ быть, равнодушнымъ останется, а другой усиленному предастся нечаянію.—И равнодушіе преступно, и нечаяніе осужденія достойно. Недаромъ изречено сіе грозное слово чрезъ Апостола Духомъ Святымъ!—И оно, конечно, не прейдетъ. Очнися, усыпленный, и воспріими страхъ. Но не затѣмъ, чтобъ нечаянію предаться, а чтобъ начать со страхомъ и трепетомъ спасеніе свое содѣвать. — Вотъ еще Господь даетъ жить—зачѣмъ? Чтобъ мы могли исправить неисправное. Какъ исправить? Сіе Онъ въ словѣ Своемъ даетъ намъ слышалъ. Слышалъ слово? — Научись, и поступи по указанію Его. — Нынѣ слово сіе учитъ; а

по смерти оно судить будетъ.—Такъ, пока есть жизнь, спѣши вытти изъ-подъ грознаго слова.—И опять—излишнему страхованію предаваться не должно.—Страхъ имѣть надобно, но настолько, чтобъ онъ возбуждалъ къ Богоугодной дѣятельности, а не подавлялъ силы.—Кто слишкомъ страшливъ, тотъ изъ самой страшливости пусть беретъ увѣреніе, что въ немъ есть уже зачатки спасительнаго настроенія,—зачатки любви.—Любовь степени свои имѣетъ, и на всякой изъ нихъ она есть любовь,—и суда нелюбію изреченнаго не заслуживаетъ, а, напротивъ, отклоняетъ его.

Любовь къ Господу совмѣщаетъ всѣ наши отношенія къ Нему. Къ Господу вотъ что мы должны имѣть!—Вѣровать, что Онъ есть нашъ Господь, и мы Его,—быть увѣреннымъ, что Онъ не оставитъ насъ ни въ сей, ни въ будущей жизни, и къ Нему прилѣпленнымъ имѣть свое сердце.—Тутъ сѣмя и корень святой и Богоугодной жизни.—Въ этомъ выражается и любовь;—и въ какой степени есть сіи расположенія, въ такой есть и любовь. Возгрѣвая и возвышая ихъ,—будешь возгрѣвать и возвышать любовь.—Стань же въ нихъ и питай ихъ.—

Скажу еще одну мысль.—Рожденный рождшаго естественно любитъ.—Мы всѣ рождены въ Господѣ Іисусѣ къ новой жизни.—Не мысленно считаемся рожденными, а дѣйствительно возрождены въ Немъ.—Стало,—не можемъ не любить Его.—Если не видимъ сами, и другіе въ насъ не видятъ сей любви,—это только потому, что мы не упражняемъ Христіанскихъ силъ.—Станемъ упражнять ихъ,—разбудимъ любовь; возбужденная любовь начнетъ съ своей стороны дѣйственнѣе возбуждать силы Христіанскія къ дѣятельности,—и ихъ дѣятельностію сама расти и крѣпнуть.—Христіанскія силы

суть: Боговѣдѣніе и вѣдѣніе вещей Божественныхъ, ревность объ исполненіи заповѣдей и молитва съ благоговѣйнымъ участіемъ во всѣхъ чинахъ и священнодѣйствіяхъ Церкви.—Приводи въ движеніе силы сіи, и каждая изъ нихъ прямо приведетъ тебя въ область любви ко Господу.—Какъ это,—дѣло покажетъ;—только начни. Скажу только, что сей дѣятельный путь къ любви, утверждаясь на благодатномъ рожденіи, есть путь самый надежный, скорый и самооблегчительный.—

Милостивый Господь да ниспошлетъ намъ Духа Своего, чтобъ Онъ силою Своею исполнилъ насъ любви къ Нему Единому!—Съ своей же стороны дадимъ обѣщаніе, что не будемъ усыплять и заглушать того, что Имъ дается и внушается, а возгрѣвать, упражнять, дѣйствовать по тому,—и, вѣрно, вскорѣ, содѣлаемся сосудами любви—блаженной и всеублажающей.—Аминь.

6 сентября, 1864 г.
Въ 13-ю недѣлю по Пятидесятницѣ.

14.

О милостынѣ, — что она сѣятва, и что чѣмъ больше кто посѣваетъ ее, тѣмъ больше пожнетъ.

Сѣяй скудостію, скудостію и пожнетъ: а сѣяй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ (2 Кор. 9, 6). Такъ говоритъ св. Апостолъ о милостынѣ, сравненіемъ ея съ сѣяніемъ желая расположить насъ къ щедродательности охотной и такой обильной, чтобъ о каждомъ изъ насъ можно было сказать словами псалма о праведникѣ: *расточи, даде убогимъ* (тамъ же, ст. 9).

Не много выше сихъ словъ Апостолъ писалъ Коринѳянамъ: о службѣ ко святымъ,—т.-е. о подаяніи въ пособіе бѣдствующимъ Христіанамъ, излишне писать вамъ;

ибо я знаю усердіе ваше (тамъ же, ст. 1. 2). То же и ко всѣмъ можно сказать: объ обязанности помогать бѣднымъ—нечего и говорить. Ее всѣ сознаютъ, и каждый въ себѣ самомъ носитъ ходатая за бѣдныхъ, въ сродномъ намъ состраданіи къ бѣдствующимъ. И бѣдные знаютъ объ этомъ долгѣ всѣхъ и этой потребности сердца; почему и обращаются смѣло ко всѣмъ, въ увѣренности, что имѣющіе достатокъ не откажутся помочь имъ отъ избытковъ своихъ.

Чего же часто недостаетъ? — Недостаетъ часто добрыхъ расположеній, какими должно быть окружено и ограждено милостынеподаяніе. Подаютъ, но не столько, сколько бы должно; подаютъ, но иногда не совсѣмъ охотно, съ сжатымъ сердцемъ, будто отъ скорби и нужды, подаютъ, т. е., не щедро и не радушно. Отъ чего же это сокращается рука и сжимается сердце? — Отъ не правыхъ помышленій, какія сбиваютъ съ праваго пути сердце наше въ минуту милостынеподаянія. Въ ту минуту, когда просятъ милостыню, сердце устремляется на подаяніе и тутъ же предначертываетъ мѣру и способъ благотворенія. Но въ то же время приходитъ и врагъ, всѣваетъ недобрыя мысли и разстраиваетъ все дѣло, такъ что не каждый подаетъ, якоже изволеніе сердцемъ. — У себя много нуждъ, и пойдетъ ли въ прокъ милостыня, внушаетъ врагъ. Мы вѣримъ, и милостыня подается уже скудная, — и та не съ охотою.

Чтобъ направить на должное наше сердце и дать намъ силу предотвращать нападенія недобрыхъ мыслей при милостынѣ, Апостолъ убѣждаетъ насъ смотрѣть на милостыню не иначе, какъ на сѣяніе: ибо какъ сѣющій щедро и охотно разбрасываетъ сѣмена; такъ щедро и охотно будемъ и мы подавать милостыню,

если увѣримся, что, подавая ее, мы не что другое дѣлаемъ, какъ сѣемъ.

Сѣющій тратя сѣмена на сѣятву, никакъ не думаетъ, что тѣмъ истощаетъ себя, подрываетъ свой достатокъ и лишаетъ себя возможности удовлетворять своимъ нуждамъ. Напротивъ, сѣя, чаетъ обогатиться, расширить свои способы и пресѣчь нужды. Такъ — сѣй милостыню, не давая входа мысли, что, выпуская монету изъ рукъ или отдавая вещь, ты лишаешь себя чего. Ты не тратишь, а пріобрѣтаешь,—не умаляешь, а умножаешь,—не даешь, а получаешь.

Сѣющему, когда онъ бросаетъ сѣмена въ землю, и на мысль не приходитъ, что онъ бросаетъ ихъ даромъ, ни къ чему, не въ прокъ, Напротивъ, увѣренъ, что земля не только сохранитъ ввѣренныя ей сѣмена, но и принесетъ отъ нихъ плодъ во 100, 60 или 30. Такъ— щедро сѣй милостыню, вѣруя, что руки бѣдныхъ суть самые вѣрные хранители твоихъ избытковъ и самыя тучныя и усыренныя почвы, на которыхъ малая сѣятва благотворенія твоего принесетъ обильный плодъ во время свое.

Сѣющій, сколько бы ни сѣялъ, не скорбитъ и не тужитъ; напротивъ, чѣмъ болѣе засѣетъ, тѣмъ бываетъ благонадежнѣе и веселѣе: такъ—тѣмъ больше веселись и радуйся и ты, чѣмъ обильнѣе твое милостыноподаяніе и чѣмъ ширше кругъ твоего благотворенія. Нѣкогда Мздовоздаятель изведетъ тебя на удобренное, засѣянное и оплодотворенное благотворительностію поле жизни твоей и возвеселитъ сердце твое показаніемъ умноженнаго жита правды твоея!

Конечно, трудно намъ сродниться съ мыслію, и тѣмъ паче дойти до сердечнаго убѣжденія, что въ подаяніи милостыни, мы, иждивая, умножаемъ и, тратя, пріобрѣ-

таемъ; но оно такъ есть, если не всегда въ отношеніи къ временному, то всегда въ отношеніи къ вѣчному. Господь, снисходя немощи нашей, неоднократно являлъ сіе самымъ дѣломъ въ жизни разныхъ благотворителей. Припомните житіе св. праведнаго Филарета милостиваго. Какъ усердно, щедро и съ какимъ терпѣніемъ онъ сѣялъ милостыню! И какой обильный принесла плодъ сѣятва его, когда внука его Марія сдѣлалась супругою царя. Надъ нимъ точно еще здѣсь сбылись слова Апостола: сѣяй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ. Вотъ и еще примѣръ! Нѣкто Климентъ отрокъ щедро раздавалъ хлѣбы нуждающимся, не смотря на небогатыя средства воспитательницы своей,—и никогда чистая пшеничная мука не истощалась въ домѣ ея. Обитель св. Θеодосія Палестинскаго во время голода и засухи питала всѣхъ окрестныхъ жителей и всѣхъ приходившихъ, а житницы всегда оказывались полными, даже въ то время, какъ въ нихъ не чаяли найти и зерна. Что размножило горсть муки и чванецъ елея у вдовы, принявшей Пророка Илію?—Ея милостивость. Отчего не истощались, а росли способы у Авраама, Іова, Товіи? Оттого, что они были благоподатливы. Отчего и нынѣ есть роды, кои съ незапамятныхъ временъ не прекращаются и живутъ въ довольствѣ, передавая его изъ поколѣнія въ поколѣніе? — Оттого, что они не живутъ для однихъ себя, а считаютъ долгомъ своимъ всегда дѣлить избытки свои со всѣми нуждающимися. Такъ сіе и быть должно. Ибо только благоподатливые попадаютъ на пути Промысла Божія, который, однихъ ущедряя, а другихъ оставляя въ скудости, хочетъ, чтобъ избытокъ однихъ вознаграждалъ лишеніе другихъ, *яко да будетъ равенство*, какъ учитъ Апостолъ (2 Кор. 8, 14).

Но эти плоды милостыни во времени не всегда являетъ Господь, и прилѣпляться къ нимъ упованіемъ не слѣдуетъ; ибо *аще въ животъ семъ точію уповающе есмы во Христа, окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы* (1 Кор. 15, 19), учитъ Апостолъ. Что же касается до будущаго, то нѣтъ надежнѣе способа уготовить себѣ покойную обитель на небѣ, какъ милостыня. Сѣй здѣсь, и непремѣнно пожнешь тамъ. *Сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да, егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчные кровы* (Лук. 16, 9), говоритъ Господь, т.-е. когда будете подавать милостыню, несомнѣнно найдете себѣ вѣчные кровы. И сіе соотношеніе временнаго съ вѣчнымъ въ милостынѣ такъ быстро и непосредственно, что всякое милостивое дѣяніе тотчасъ отзывается въ устроеніи вѣчнаго порядка вещей.—Такъ нѣкто Петръ хлѣбникъ, жестокосердный, никогда не давалъ милостыни. Въ одинъ день кто-то изъ бѣдныхъ очень докучалъ ему. Желая избавиться отъ докучанія, онъ съ неудовольствіемъ бросилъ ему хлѣбъ,—и въ ту же ночь видитъ сонъ: будто стоитъ онъ на судѣ, гдѣ взвѣшивали его дѣла; на одной чашѣ вѣсовъ были всѣ его неправыя дѣла, а на другой—одинъ только хлѣбъ, который тянулъ, но не могъ перетянуть груза грѣховъ Петровыхъ.—И былъ къ нему голосъ: ступай Петръ и чрезъ руки бѣдныхъ побольше перешли сюда хлѣбовъ, чтобъ они сильны были перетянуть всѣ худыя дѣла твои.— Видите, какъ скоро отозвалось на небѣ дѣло хлѣбника?— Другой подобный случай былъ въ Александріи. Жилъ тамъ одинъ милостынетворецъ. Имѣлъ онъ знакомаго,—богатаго, но неподатливаго на прошенія бѣдныхъ,—и очень жалѣлъ о немъ. И вотъ что умыслилъ, чтобы сдѣлать и его причастникомъ благословеній, приносимыхъ благотвореніемъ. Приходитъ

къ нему и говоритъ: продаются, по случаю, драгоцѣнныя вещи очень дешево. Купилъ бы́, да денегъ нѣтъ. Дай мнѣ взаймы, и я куплю. Когда куплю, покажу тебѣ, и если понравится тебѣ, возьмешь ихъ себѣ, а если не понравится, я себѣ возьму, а тебѣ деньги уплачу. Тотъ съ радостію согласился и далъ денегъ большое количество. Получивъ деньги, милостынетворецъ началъ ихъ иждивать на бѣдныхъ, собралъ больныхъ, увѣчныхъ, сиротъ и всѣхъ успокоивалъ. Прошло нѣсколько времени, пріятель его началъ спрашивать о покупкѣ. Тотъ, раза два—три отговорившись, что еще не все уладилъ по покупкѣ, или не перенесъ къ себѣ вещей, или не разложилъ ихъ,—наконецъ говоритъ: иди,—покажу тебѣ, и привелъ его въ свое заведеніе. Водитъ его по комнатамъ разныхъ призрѣваемыхъ, и именуетъ ихъ драгоцѣнными камнями: вотъ маргариты, вотъ изумруды, вотъ яхонты,—и проч. Когда все осмотрѣли, обращается онъ къ скупому пріятелю своему и говоритъ: ну, что нравятся ли? Тотъ, въ досадѣ и смущеніи, слова не хотѣлъ и даже не могъ выговорить. — Что же серчать и досадовать, говоритъ ему милостивецъ? не сказалъ ли я тебѣ, что если не понравятся тебѣ драгоцѣнности, я возьму ихъ себѣ, а тебѣ отдамъ деньги.—Вотъ тебѣ росписка! Только и ты дай мнѣ росписку, что уступаешь мнѣ все, что уготовалъ было тебѣ Господь, если бы ты взялъ это на себя. Тотъ охотно взялъ росписку и далъ свою, чтобъ только сохранить деньги,—и поспѣшилъ домой.—Ночью видитъ онъ сонъ: водятъ его по небеснымъ обителямъ и говорятъ: это обитель того-то, это того-то; ввели, наконецъ, въ одну—такую свѣтлую и пресвѣтлую, что и вытти ему оттуда не хотѣлось. Кто-то сказалъ: это обитель того-то, называя его самого по имени. Слыша сіе, онъ

забылъ себя отъ радости. Но тотчасъ послышался другой голосъ: нѣтъ, теперь это не его. Онъ продалъ сію обитель такому-то, называя милостынедавца.—Вотъ и росписка; а этотъ не стоитъ и того, чтобы смотрѣть на нее. Гоните его вонъ.—Пришли слуги и выгнали.— Проснувшись, онъ тотчасъ послалъ за своимъ пріятелемъ милостивцемъ, разсказалъ ему все и, удостовѣрившись отъ него, что Господь снова возвратитъ ему показанную обитель, уничтожилъ росписку и предался благотворенію вмѣстѣ съ вразумившимъ его. Видите, какъ скоро дѣла благотворенія или неблаготворенія отзываются на небѣ, именно въ порядкѣ вѣчнаго устроенія нашей участи.

Потому это такъ, что милостыня есть самая большая добродѣтель, самая цѣнная у Бога и близкая къ престолу Его.—Св. Григорій Богословъ, перечисляя много добродѣтелей и высоко оцѣнивъ каждую, прибавляетъ, что выше всѣхъ ихъ есть любовь, а изъ дѣлъ любви выше всѣхъ дѣятельное состраданіе и помощь нуждающимся. Почему и въ описаніи страшняго суда Господь поминаетъ только объ исполненіи или неисполненіи сей одной добродѣтели, не ради того, чтобы другія не имѣли никакой цѣны, но ради того, что какъ скоро она есть, то и всѣ другія есть, и какъ скоро нѣтъ ея, то трудно имѣть мѣсто въ сердцѣ и другимъ добродѣтелямъ. Она царица всѣхъ, истинная намѣстница и представительница Божества на землѣ.— И потому еще такъ скоро отзывается на небѣ всякое благотвореніе, что Господь благоволитъ усвоять себѣ всякую милостыню, такъ какъ бы она шла прямо въ Его руки. *Понеже*, говоритъ, *сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ*, т. е. бѣдныхъ, *Мнѣ сотвористе* (Мѳ. 25, 40). Ты голоднаго напиталъ, а Господь гово-

ритъ, что это ты Его Самого напиталъ; ты нагаго одѣлъ, а Господь говоритъ, что это ты Его Самого одѣлъ; ты больнаго посѣтилъ, а Господь говоритъ, что это ты Его посѣтилъ; и всякое благотвореніе нуждающимся Господь считаетъ благотвореніемъ Себѣ Самому. Такъ удостовѣряетъ Онъ словомъ Своимъ Божественнымъ, — и такъ объявитъ предъ цѣлымъ свѣтомъ на судѣ Своемъ! Но неоднократно являлъ Онъ сіе и здѣсь вѣрнымъ Своимъ,—какъ, напримѣръ:—юношѣ, который видѣлъ Спасителя изъ-за плечъ бѣднаго принимающимъ подаваемую милостыню, или тому добротворцу, который, встрѣтивъ на пути бѣднаго, трясшагося отъ холода, отдалъ ему верхнюю одежду свою, которую потомъ Господь показалъ на Себѣ свѣтлою и блестящею.— Да оживится симъ усердіе ваше милостынетворцы! Та же рука, которая пріемлетъ, и воздавать будетъ. Но это такая рука, которая не можетъ оказаться скудною въ воздаяніи, если только ваши руки не будутъ скудны въ раздаяніи. Иду уготовать мѣсто вамъ, сказалъ Господь. Щедрѣе полагайте Ему въ руки, изъ чего уготовать,—и чѣмъ щедрѣе будете полагать, тѣмъ свѣтлѣе, пространнѣе и украшеннѣе будетъ обитель ваша.

Всѣмъ сказаннымъ я хотѣлъ приблизить къ вамъ мысль, что подавая милостыню, мы сѣемъ;—урокъ же отсюда вы извлечете сами себѣ. Сѣйте щедро, чтобъ щедрую собрать и жатву; ибо если будете сѣять скудно, скудную соберете и жатву. Господь да поможетъ всѣмъ намъ такъ настроиться сердцемъ и такъ расположиться дѣлами, чтобъ не мимо шли насъ великія обѣтованія Божіи, данныя щедрымъ и охотнымъ милостынедавцамъ, — и въ семъ вѣкѣ, и тѣмъ паче въ будущемъ. Аминь.

22 сентября, 1865 г.
Въ недѣлю 18-ю по Пятидесятницѣ.

15.

Неосновательность отговорокъ отъ подаянія милостыни, и добрыя мысли, побуждающія творить ее.

Всякому просящему у тебе, дай (Лук. 6, 30), заповѣдуетъ Господь, какъ слышали вы въ нынѣшнемъ Евангеліи. Это одна изъ самыхъ первыхъ заповѣдей въ Христіанствѣ. О ней часто напоминаютъ и Господь и святые Апостолы и, чтобы расположить насъ ревностнѣе исполнять ее, оградили ее самыми трогательными побужденіями и самыми поразительными угрозами.— Вѣдаетъ сіе всякій, и всякій по совѣсти должнымъ считаетъ помогать всѣмъ нуждающимся по силамъ своимъ. Между тѣмъ, если пересмотримъ дѣла наши построже, мы не найдемъ, можетъ быть, ни одного дѣла, которое бы исполняли съ меньшимъ вниманіемъ, какъ обязательное для насъ вспомоществованіе нуждающимся. Помогаемъ кое-какъ, лишь бы отдѣлаться отъ докучливаго просителя, а иногда и совсѣмъ отказываемъ, и не большею ли частію послѣднее. А совѣсть при всемъ томъ остается у насъ спокойною, молчитъ и не обличаетъ насъ въ томъ, что не помогаемъ, или помогаемъ не столько, сколько бы слѣдовало. — Такъ, вѣдь, это бываетъ!—Спрашивается, какая же была бы тому причина?

Причина, полагаю, та, что грѣшная душа наша усвояетъ себѣ предразсудочныя понятія о бѣдности и бѣдныхъ, кои приходятъ на мысль, когда надо бываетъ оказать помощь, и разстроиваютъ благія намѣренія наши до того, что не только совѣсть не обличаетъ насъ въ отказѣ или слабомъ пособіи,—напротивъ, намъ ду-

мается, что мы лучше сдѣлали, ничѣмъ или такъ легко отдѣлавшись отъ просителя.

Чего не придумали скупость и своекорыстіе, чтобъ оправдать свою холодность и жестокость къ нуждающимся! — Ложность прошеній, праздность просителей, свои недостатки, тяжелыя времена, необходимость запасаться самимъ на черный день и проч.—Всѣ эти мысли ходятъ между невнимательными къ своему долгу въ рѣчахъ и поговоркахъ, заходятъ и къ внимательнымъ и ихъ нерѣдко сбиваютъ съ праваго пути дѣйствій. Хотите ли дать свободу и просторъ сердоболію и не допускать его до омраченія ложью, разоримъ эти предразсудочныя мысли и возстановимъ здравыя Христіанскія понятія о подаяніи нуждающимся. Водрузивъ ихъ въ умѣ и ясно созерцая особенно во время самаго дѣйствія вспомоществованія, мы возведемъ исполненіе сего долга до такого совершенства, ради коего каждый можетъ услышать нѣкогда: благій рабе и вѣрный! — Сдѣлаемте это сейчасъ, чтобы однажды навсегда установиться въ правомъ, отвергши неправое.

Приходитъ на мысль въ то время, какъ надо помогать, прежде всего: да нуждается ли просящій?— кто его знаетъ?—привыкъ, и проситъ; а нужды, можетъ быть, никакой не имѣетъ. Приходитъ такая мысль: мы вѣримъ ей,—и отказываемъ или слабо помогаемъ.— Но справедливо ли такъ поступать?—Бываетъ, конечно, и такъ, какъ приходитъ намъ на мысль. Но знаемъ ли мы навѣрно, что то лице, которое предъ нами, точно принадлежитъ къ сему классу притворяющихся нищихъ? А если не знаемъ, зачѣмъ подозрѣвать и тѣмъ паче отказывать по одному подозрѣнію? На дѣлѣ это, можетъ быть, матерь, которая дома оставила голодныхъ дѣтей, или отецъ семейства, у котораго жена больна

и дѣти раздѣты, или сироты—старшія изъ сиротъ безпріютныхъ и безпомощныхъ, и подоб.—Таковымъ, конечно, не откажете. Смотрите такъ и на всѣхъ съ перваго раза, а подозрѣніемъ не оскорбляйте неизвѣстныхъ. Что если нуждающійся, у котораго и такъ тяжело на сердцѣ, прочитаетъ въ глазахъ нашихъ наше подозрѣніе? Это, конечно, увеличитъ его скорбь и тяготу, и вмѣсто утѣшенія онъ отойдетъ отъ насъ съ большею скорбію. Хорошо ли это? То, что у него не мутно еще въ глазахъ, лице не искажено, тверда поступь и одежда не въ заплатахъ,—это послѣдніе остатки и его терпѣнія и достатка. Захотите ли быть причиною, чтобы онъ дошелъ до послѣдней крайности, которая начнется, можетъ быть, тотчасъ вслѣдъ за вашимъ отказомъ? И заповѣдь Спасителя развѣ только тѣхъ прикрыть хочетъ, коимъ уже некуда дѣваться, кои не имѣютъ ни крова, ни пищи, ни одежды, ни силъ? Нѣтъ.—На помощь такого рода людямъ не нужна особая заповѣдь.—Онъ говоритъ: *всякому просящему у тебе, дай* (Мат. 5, 42).—Вы и будете давать, только поставьте себѣ закономъ—не подозрѣвать просящаго, не рисовать позади его картины предполагаемаго довольства, а скорѣе картину крайней нужды и скорбь, дѣйствительно его гнѣтущую. Тогда само сердце не дастъ вамъ покоя, пока не облегчите его участи.—Нынѣ много распространяютъ подозрѣній на бѣдныхъ. Но на всѣ эти предъявленія можно сдѣлать одно рѣшеніе: удостовѣрься, кто именно проситъ не по нуждѣ или не на нужду, и не давай такому; всѣмъ же отказывать потому только, что есть лживые просители, грѣхъ.—Святый Іоаннъ Милостивый не такъ дѣлалъ. Онъ не отказывалъ даже и тѣмъ, о коихъ извѣстно было, что они не бѣдны и,

когда предувѣдомляли его объ этомъ, отвѣчалъ: вѣрно, въ эту пору они терпятъ крайнюю нужду.

Иногда отъ просителя мы къ себѣ обращаемся и говоримъ, гдѣ взять? — Едва на свои нужды достаетъ. Съ трудомъ концы съ концами сводимъ! — Ужъ когда не изъ чего давать, кто и обязываетъ? Подавать должно отъ избытковъ, какъ и Апостолъ изъясняетъ законъ подаянія, говоря: *Аще усердіе предлежитъ, по елику аще кто иматъ, благопріятенъ есть, а не по елику не иматъ. Не бо да инымъ убо отрада, вамъ же скорбь* (2 Кор. 8, 12. 13).—Но правда ли то, что у насъ ничего не остается за удовлетвореніемъ своихъ нуждъ?—Къ тому же—разумно ли опредѣлено у насъ, что должно считать своею нуждою?—Нужда есть такое дѣло, которое очень можно и сократить и расширить.—Исключите расходы на то, что нужнымъ считаетъ привычка, прихоть, тщеславіе, пустыя требованія міра и всѣ страсти: сколько будетъ оставаться въ пользу нуждающихся?!—Пусть даже и этихъ ненужныхъ нуждъ нѣтъ; стоитъ захотѣть, и изъ самой существенной нужды—изъ пищи и одежды и прочихъ потребностей благоразуміе всегда сумѣетъ отдѣлять часть Христову,—какъ дѣйствительно и умѣетъ: ибо нуждами отговариваются отъ подаянія исключительно почти скупые, да расточительные міролюбцы.

Говорятъ также иногда: что праздно шатаются?—работали бы и доставали бы себѣ насущный хлѣбъ.—Требованіе самое справедливое!—И Апостолъ заповѣдуетъ трудиться, дѣлая своими руками, чтобъ не только свои удовлетворять нужды, но имѣть что подать требующему (Еф. 4, 28). Но, отговариваясь этимъ предлогомъ отъ подаянія, удостовѣрены ли мы, что просящій можетъ трудиться?—Старому, малому и немощному куда

трудиться?—Но пусть и можетъ иной трудиться, имѣетъ ли онъ работу? Иной и готовъ бы работать, да не къ чему рукъ приложить. Въ притчѣ о дѣлателяхъ одна ихъ часть до 11 часу, т.-е. почти до ночи, не имѣла работы отъ того, что никто не нанималъ. Но пусть и работу имѣетъ кто, такова ли она, чтобъ доставляла на всѣ потребности. Какъ часто трудятся день и ночь, а все томятся нуждами, особенно когда одинъ работаетъ для многихъ!—Итакъ, дѣло говорить: трудись,—и кто согласится питать праздность? Но устройте напередъ такъ, чтобы просящій трудомъ пропитывалъ себя и другихъ, коихъ обязанъ пропитывать, и тогда отказывайте ему, а безъ того отказывать—значитъ то же, что оставлять его умирать съ голоду.

Чего еще не говорятъ въ извиненіе своей неподатливости и жестокосердія?!—Одинъ говоритъ: тяжелыя времена, куда думать о другихъ, хоть бы себя прокормить. Другой: себѣ нужно; надо запасать денежку про черный день. Третій: я развѣ одинъ; есть подостаточнѣе меня,—подадутъ. Четвертый: вѣдь подаю, что попадетъ подъ руки всякому, кто проситъ,—и проч.—Но разсудите хорошенько, сколько во всемъ этомъ правды?! Тяжелыя, говоритъ, времена,—и отказываетъ.—Но если они для достаточныхъ тяжелы,—во сколько болѣе они тяжелы для бѣдныхъ?! Слѣдовательно, по этому предлогу, не прекратить, а увеличить надо подаяніе. Надо, говоритъ, запасать про черный день. Пусть надо; но вѣдь на это должна же быть мѣра? Иначе наши воображаемыя будущія нужды никогда не дадутъ намъ помочь бѣднымъ въ ихъ дѣйствительныхъ настоящихъ нуждахъ. Притомъ будущее отъ нашей ли предусмотрительности зависитъ, или отъ устроенія Промысла Божія? Конечно, отъ Промысла. Такъ

привлеките къ себѣ милость Божію вашимъ милосердіемъ къ нуждающимся, и будете имѣть вѣрный залогъ благоденствія въ будущемъ. Кажется, мы не найдемъ примѣра, чтобы какой-либо домъ разорился отъ щедродательности неимущимъ, а расточительность пустая многихъ пустила по міру. — Другой, говоритъ, подастъ, — и отсылаетъ просящаго. — Да подастъ ли другой-то? А если и онъ также скажетъ: другой подастъ, а потомъ и третій, и четвертый, и т. д., — это будетъ то же, что оставить бѣднаго на произволъ судьбы. Нѣтъ. Тебѣ послалъ Господь этого бѣднаго, ты и помоги ему. Не пропускай случая, который, можетъ быть, не повторится. — Я вѣдь подаю, говоришь, что попадется и кому придется. — Хорошо хоть и это. — Но значитъ ли это подавать по всей широтѣ долга и по всей мѣрѣ возможности? — Значитъ ли это обращать все вниманіе и усердіе къ сему святому дѣлу? — И не эта ли небрежность бываетъ причиною, что подаяніе попадаетъ не въ должныя руки и употребляется, не какъ слѣдуетъ?! — Подаешь, кому придется. Тѣмъ же кто поможетъ, которыхъ стыдъ удерживаетъ дома и которые молча, можетъ быть, терпятъ болѣе, нежели вопіющая о себѣ нужда? — Нѣтъ, истинно-христіанское сердоболіе не можетъ быть довольно этимъ. — Оно само спѣшитъ въ мѣста бѣдности, чтобы своими руками осязать раны ея и тотчасъ же приложить потребный цѣлительный пластырь.

Вотъ сколько врагъ придумалъ злыхъ помышленій, чтобы отвлекать и добрыхъ людей отъ подаянія. — Сознаемся, что въ большей или меньшей мѣрѣ мы всѣ увлекались ими по временамъ. Но вмѣстѣ положимъ въ сердцѣ своемъ не поддаваться имъ болѣе. Ибо если они такъ слабы предъ простымъ нашимъ разсужденіемъ,

какъ устоять имъ на судѣ правды Божіей, которая видитъ все—и въ дѣлахъ и въ чувствахъ сердца до послѣднихъ его сокровенностей.—Не такъ смотрѣть должны на бѣдность и бѣдныхъ Христіанскій смыслъ и Христіанское сердце. Истинные Христіане пріемлютъ умъ Христовъ для сужденія о всемъ и носятъ законъ Бога своего въ сердцѣ своемъ въ руководство для дѣлъ. Бѣдные и всѣ нуждающіеся—у нихъ это меньшая братія Христова, или Самъ Христосъ, приближающійся къ намъ чрезъ нихъ и Себѣ присвояющій все, оказываемое имъ,—это ходящія среди насъ милость и благословеніе Божіе! Дѣлая ихъ участниками своего достоянія малымъ подаяніемъ, освящаемъ чрезъ то все остальное и удерживаемъ за собою титло достойнаго, по намѣренію Божію, обладанія имъ.—Господь есть Владыка и насъ и всего нашего.—Благословляя насъ достаткомъ, Онъ предаетъ его намъ, какъ въ притчѣ виноградъ дѣлателямъ, — съ условіемъ доставлять ему во время свое плоды его. Неимущіе — это рабы Господа-Домовладыки, которыхъ посылаетъ Онъ къ намъ пріять плоды съ достоянія нашего. Подаваемое чрезъ ихъ руки возносится къ Господу; но такъ, что по закону милости Его снова возвращено будетъ намъ въ видѣ вѣчнаго покоища, созидаемаго изъ того правдою Божіею.— Неимущіе посему суть дѣлатели обители намъ на небѣ—наши повѣренные, коимъ довѣряется все тамъ учредить въ такой полнотѣ, которой достало бы на всю вѣчность!—Блажени милостивые!—

Утвердимся, бр., въ сихъ добрыхъ помышленіяхъ; а тѣ—развращенныя—отвергнемъ. Тогда сердце наше никакъ не позволитъ намъ нарушать заповѣдь Божію: всякому просящему у тебя дай,—и всегда будетъ понуждать къ тому, чтобы мы были милостивы, брато-

любцы, благоутробны (1 Петр. 3, 8), облекшись во утробы щедротъ и благость (Кол. 3, 12), и ревнуя быть милосердыми, какъ Отецъ нашъ небесный милосердъ. Аминь.

29 сентября, 1865 г.
Въ недѣлю 19-ю по Пятидесятницѣ.

16.

Прощеніе долговъ ближнему—спасеніе.

Нынѣшнее Евангеліе (Мат. 18, 23—35) поучаетъ насъ прощенію обидъ. Послушаемъ Господа и положимъ исполнять сію св. заповѣдь Его.—Почему особенно?—Потому, что это есть ближайшій и надежнѣйшій путь ко спасенію. Хочешь спастися,—прощай всѣмъ и все, что на кого имѣешь,—и будешь спасенъ: ибо такъ говоритъ Господь: *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Мат. 6, 14).—А кому отпущены грѣхи, тому чего больше и желать?—Св. Пророкъ Давидъ говоритъ: *блажени, ихже оставишася беззаконія, и ихже прикрышася грѣси. Блаженъ мужъ, емуже не вмѣнитъ Господь грѣха* (Пс. 31, 1. 2). Блаженъ,—стало быть, спасенъ.—И исполняется надъ таковымъ слово, еще издревле прореченное Пророкомъ Моѵсеемъ: не ходи за море искать спасенія: близъ ти глаголъ есть въ сердцѣ твоемъ.—Прибавлю: глаголъ, коимъ въ сердцѣ изрекается всепрощеніе, *аще кто на кого имать пореченіе* (Кол. 3, 13).

Въ житейскомъ быту, непрестанныя у васъ бываютъ столкновенія, непрестанные случаи къ обидчивости и возмущеніямъ сердечнаго покоя—мнимыми или дѣйствительными оскорбленіями.—И вотъ то, что почти неизбѣжно, что само собою нападаетъ на насъ, Господь хочетъ обратить намъ въ куплю спасенія и въ

пріобрѣтеніе помилованія. Поминутно оскорбляемъ бываешь: поминутно прощай, и поминутно будешь входить все глубже и глубже въ область милосердія Божескаго, во всепрощающее Божіе помилованіе,—и симъ помилованіемъ, какъ одеждою какою, будешь одѣянъ, огражденъ и защищенъ отъ всего, вредящаго въ тебѣ дѣлу спасенія.

Ничто такъ не сильно предъ лицемъ Господа, какъ прощеніе обидъ;—ибо оно есть подражаніе одному изъ самыхъ ближайшихъ къ намъ дѣйствій милосердія Божія.—И ничѣмъ такъ легко не искушаемся мы, какъ серчаніемъ и желаніемъ отмщенія задорнымъ словомъ, а нерѣдко и дѣломъ.—Стало, поминутно теряемъ мы вмѣсто пріобрѣтенія, которое само дается въ руки. Простилъ бы,—пріобрѣлъ бы покой въ себѣ и помилованіе отъ Господа.—*А* не прощаешь,—внутренняя тревога увеличивается, и милости отъ Господа не жди.

Отчего бы это мы не всегда прощаемъ, а чаще предаемся взрывамъ гнѣва, досады и негодованія? Полагаю — отъ невниманія къ цѣнѣ прощенія. — Уходитъ изъ вниманія то, что дается прощеніемъ, тогда какъ лишеніе отъ обиды такъ представляется очевиднымъ. Изъ самолюбиваго сердца выходитъ помышленіе: изъ-за чего прощать,—и мы не прощаемъ.—Возстановляйте же, въ минуты обидчивости, въ мысли своей и сердцѣ своемъ несомнѣнное обѣтованіе за прощеніе,—обѣтованіе несравненно цѣннѣйшее самыхъ великихъ потерь, какія только сильна причинить обида человѣка. Тогда какая ни встрѣться обида, изъ сердца выйдетъ воодушевительный голосъ: есть изъ-за чего простить,—и мы простимъ.

Простимъ,—и прощены будемъ; еще простимъ,—и еще прощены будемъ;—и такъ непрестанно.—Про-

щающій самъ будетъ ходить подъ всепрощеніемъ Божіимъ, или въ объятіяхъ Божескаго милосердія и любви.—Есть ли, въ чемъ искать намъ прощенія? О какъ много!—Поспѣшимъ же прощать, чтобъ прощенными быть.—И тѣмъ охотнѣе, что то, что простимъ, ничтожно; а то, въ чемъ будемъ прощены,—такъ цѣнно, что и въ сравненіе съ тѣмъ не можетъ идти. Въ притчѣ нынѣшней—наши грѣхи противъ Бога оцѣнены тьмою талантовъ, а грѣхи другихъ противъ насъ сотнею динаріевъ.—По нашему счету, примѣрно, положить—то въ 1000 р., а это—въ копѣйку.—На копѣйку пріобрѣсть 1000 р.!—Если бъ въ житейскомъ быту открылась гдѣ-либо возможность такого пріобрѣтенія, никого бы не удержалъ: всѣ бросились бы туда.—Но никакое, самое разсчитанное, пріобрѣтеніе на землѣ такъ не вѣрно, какъ вѣрно обѣтованіе Господне,—и никакая оцѣнка въ земныхъ вещахъ такъ не точна, какъ точна сравнительная оцѣнка грѣховъ нашихъ и обидъ, намъ причиняемыхъ: ибо она изрекается Богомъ правды.—Такъ, помяни грѣхи, въ коихъ прощенъ, или ищешь прощенія, и—то изъ благодарности за милость полученную, то въ несомнѣнной надеждѣ получить милость желаемую и искомую—прощай,—прощай широкимъ, отверзтымъ, щедрымъ сердцемъ.

Пусть обида нѣсколько унижаетъ тебя, или причиняетъ какой ущербъ.—Вѣдь Господь все видитъ.—Видитъ движеніе сердца твоего, назираетъ за склоненіемъ его къ прощенію, утѣшается совершеніемъ тамъ прощенія и оцѣниваетъ жертву твою такою цѣною, какой ты и вообразить не можешь. Припомните сказаніе объ одномъ инокѣ, который жилъ не такъ строго, но никого не осуждалъ, когда видѣлъ что худое, и не обижался, когда терпѣлъ что отъ кого.—Когда онъ уми-

ралъ, братія со скорбію окружали его одръ, но онъ былъ свѣтлъ лицемъ и радостное являлъ сердце.— Спросили его, что значитъ, что ты въ такомъ состояніи?— Онъ отвѣтилъ имъ: простите меня, отцы и братія!—Я грѣшный и нерадивый монахъ; но въ жизни моей никого не осуждалъ и ни на кого не имѣлъ скорби;— и вотъ Ангелъ Господенъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: не осуждалъ ты,—не осуждаетъ и тебя Господь. Прощалъ ты,—прощаетъ и тебя Господь.—Ради словъ сихъ сердце мое отъ радости выскочить хочетъ.—Такъ онъ и скончался. Видите, какое воздаяніе. Какъ же говорить можно: изъ-за чего прощать?

Кромѣ видимаго порядка есть невидимый, кромѣ настоящаго міра—вѣкъ грядущій. Когда бы намъ туда переселиться мыслію и сердцемъ; иныя были бы у насъ мысли, иныя рѣчи, иныя дѣла,—такъ иныя, что сего вѣка люди, смотря на насъ, стали бы считать насъ буіими.—По духу міра, кто не взыскателенъ и все прощаетъ, того считаютъ не имѣющимъ достоинства; а по настоящему, то и достоинство, чтобъ прощать. Прощающій по заповѣди Господа и упованію христіанскому—есть человѣкъ иного, лучшаго міра. Оттуда принимаетъ онъ внушенія и тамошніе порядки соблюдаетъ. Съ земли и по земному смотрящіе на него—не умѣютъ понять его.—Онъ дѣломъ исполняетъ то, что указалъ Апостолъ: *аще кто мнится мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ* (1 Кор. 3, 18).

Конечно, не вдругъ можно стяжать такой глубокій и обильный миръ, чтобъ онъ поглощалъ всякій ударъ оскорбленія. Но начни съ низшаго,—взойдешь и къ высшему. Первая степень необидливости, несерчанія и, стало быть, прощенія есть молчаніе устъ. Съ этого

и начинай. Когда обидятъ,—пересиль себя, промолчи,—подражая Пророку Давиду, который говоритъ о себѣ: *смятохся и не глаголахъ* (Пс. 76, 5). Сдѣлай такъ однажды,—въ другой разъ легче промолчишь.—Чѣмъ чаще будешь промалчивать, тѣмъ съ меньшимъ смущеніемъ будешь встрѣчать обиды. Утвердившееся несмущеніе принесетъ покой; а покой переродится въ миръ, превосходящій всякій разумъ. Тогда будешь предъ обидами, что твердая стѣна предъ ударами песчинокъ, вѣтрами возметаемыхъ.—Вотъ до чего дойдешь, когда начнешь одолѣвать себя молчаніемъ?—А не начнешь одолѣвать себя, все болѣе и болѣе раздражаться будешь,—и дойдешь до такой подвижности на гнѣвъ, что всякая малость будетъ выводить изъ себя.—А при этомъ какъ жить, не говорю по-христіански,—по-житейски порядочно!—Безъ труда ничего не пріобрѣтешь; хочешь нравственной доброты,—трудись надъ сердцемъ. Господь снабдилъ его такимъ свойствомъ. что повтореніе дѣйствій облегчаетъ трудъ совершенія ихъ и ограждаетъ расположеніе къ нимъ.—Частое прощеніе обидъ не только сообщитъ легкость прощенію и навыкъ къ тому;—но разовьетъ даже жажду обидъ, Господа ради, при которой ударенный въ ланиту подставляетъ другую, лишенный ризы отдаетъ и срачицу и принужденный идти поприще едино идетъ два.—Это высота, которая кажется для насъ недосязаемою, на которую однакожъ начавшій, какъ слѣдуетъ, прощать—восходитъ легко, натурально, безъ особыхъ напряженій. Прощеніе есть добродѣтель самая привлекательная, тотчасъ въ сердце награду за себя приносящая.

Имѣя сіе въ мысли, благословимъ Господа, что такъ подручный намъ даровалъ способъ взойти на такую высоту, и помолимся, чтобъ Онъ даровалъ намъ силу

и разумъ—прощать, да прощены будемъ и сподобимся блаженнаго помилованія и прощенія. Аминь.

23 августа, 1864 г.
Въ недѣлю 11-ю
по Пятидесятницѣ.

17.

Убѣжденіе къ соблюденію поста въ Рождественскій постъ.

Съ нынѣшняго дня начинается святый постъ, Церковію Божіею установленный за тѣмъ, чтобъ приготовить насъ къ достойному срѣтенію и прославленію воплощеннаго Бога,—въ праздникъ Рождества Христова. Покоримся Церкви, и вступимъ въ подвигъ поста и всѣхъ другихъ благочестивыхъ упражненій, соединенныхъ съ постомъ. Есть у иныхъ повѣрье, будто этотъ постъ не такъ великъ, какъ, напр., постъ святыя четыредесятницы; потому они небрегутъ о немъ, и проводятъ его кое-какъ. Это есть заблужденіе, котораго нечѣмъ оправдать.—Церковь Божія предписала святить всѣ четыре поста: Великій, Успенскій, Петровъ и Рождественскій, и долгъ нашъ святить ихъ одинаково, хотя мѣра строгости пощенія въ нихъ нѣсколько различна. Наступившій постъ точно легче „Великаго" и Успенскаго поста; но эта льготность такъ незначительна, что сама не можетъ не показаться строгостію — для нашей немощи.—Пусть въ этотъ постъ разрѣшено вкушать рыбу, но это только по субботамъ, воскресеньямъ и въ праздники; во вторникъ же и четвертокъ и рыба не разрѣшается; а въ понедѣльникъ, среду и пятницу не рыба только не разрѣшается, но и вино съ елеемъ.

Итакъ, когда святая Церковь не мимоходомъ какъ упоминаетъ о семъ постѣ, а съ такою опредѣленностію установила правила для него, послушнымъ чадамъ ея

прилично ли провесть его небрежно, безъ вниманія и даже памяти о немъ. Освятимъ же его,—освятимъ возстановленіемъ въ мысли высокаго его значенія, строгимъ исполненіемъ Церковнаго въ немъ устава и еще паче очищеніемъ совѣсти въ покаяніи и укрѣпленіемъ себя святымъ причастіемъ тѣла и крови Христовыхъ.—Смотрите, какъ говорятъ о немъ святые отцы!—Одинъ говоритъ (Дни Богослуженія, ч. 2, стр. 33, Симеонъ Солунскій—въ отвѣтахъ на вопросы): «постъ Рождественской четыредесятницы изображаетъ постъ Моусея, который постившись сорокъ дней и сорокъ ночей, получилъ на каменныхъ скрижаляхъ начертаніе словесъ Божіихъ. А мы постясь сорокъ дней, созерцаемъ и пріемлемъ живое слово—не на камняхъ начертанное, но отъ Дѣвы воплотившееся и родившееся,—и пріобщаемся Его Божественной плоти».—Другой учитъ (Лев. вел. бес. XCII): «храненіе воздержанія запечатлѣно у насъ 4-мя временами, дабы въ теченіе года мы познали, что непрестанно нуждаемся въ очищеніи, и что при разсѣяніи жизни всегда должно стараться намъ—постомъ и милостынею истреблять грѣхъ, который бренностію плоти и нечистотою пожеланій пріумножается». Вотъ какъ разсуждаютъ Богопросвѣщенные умы и куда направляютъ силы и труды послушнаго благочестія!—Примемъ же къ сердцу внушеніе,—столько намъ благопотребное и спасительное. Вѣдомо, что предѣлъ жизни о Христѣ Іисусѣ есть чистота и святость. Но житейскія дѣла, а болѣе суета—очерняютъ и пятнаютъ путниковъ, идущихъ въ сію область чистоты,—нерѣдко и противъ воли ихъ.—И вотъ, какъ для странника попечительные страннопріимцы устрояютъ покоища, дающія отдыхъ, трапезы подкрѣпляющія и бани омывающія: такъ и много-

попечительная благость Божія въ материнскихъ нѣдрахъ Церкви уставила посты,—всѣ четыре,—съ приглашеніемъ говѣть въ нихъ, исповѣдаться и причаститься, въ отдыхъ тѣмъ, кои утомлены многозаботливостію житейскою, въ омытіе тѣмъ, кои загрязнены и запылены грѣхами и нечистыми помышленіями, въ укрѣпленіе тѣхъ, кои ослабѣли и истощили силы духа борьбою или паденіемъ. Ревностный труженикъ, зайди подъ эту сѣнь покоя, омойся въ самоизготовляемой банѣ слезъ, укрѣпись предлагаемою небесною пищею,—и потомъ опять, подобно Иліи, обновившемуся отъ пищи, Ангеломъ принесенной, бодренно емлись пути пустыннаго, пока достигнешь высокаго Синая—праздника Рождества—для воспріятій ощущеній Бога, къ намъ приближающагося, по мѣрѣ труда твоего и степени приготовленія.

Или, что я обращаюсь къ ревностному и бодренному?—Горящіе духомъ ревнители Христіанскаго житія—сами,—безъ напоминанія,—и попостятся, и долгъ Христіанскій въ постъ исполнятъ, какъ должно.—Но что сказать вамъ, больные изнѣженностію, страшащіеся за здоровье отъ перемѣны блюда, модничающіе независимостію и разорваніемъ всѣхъ узъ, налагаемыхъ отеческими обычаями, возносящіеся выше облакъ и охочіе—недальнозорко—указывать Вышнему въ Его исправительныхъ законоположеніяхъ и уставахъ несообразности съ природою, вами же испорченною?—Сказалъ бы вамъ одно: *пискахомъ вамъ, и не плясасте: плакахомъ вамъ, и не рыдасте* (Мат. 11, 17).—Но въ чаяніи и еще остепенить борзость неудержимой мысли вашей и вашего своенравія, приведу вамъ на память яблоко райское, красное на видъ и пріятное на вкусъ, сгубившее и губящее родъ нашъ,—чечевицу, лишив-

шую чревоугодливаго первородства,—мяса, пустыню наполнившія гробами похотѣній,—небольшую часть меда, отнявшую побѣду и готовившую смерть сыну царя,—тотъ пиръ, въ которомъ свыше дана надпись: мани, факелъ, фаресъ, тогда же исполнившаяся,—и этого юношу, изъядшаго вся, и желавшаго потомъ насытиться отъ рожецъ, яже ядяху свинія,—и богача, по вся дни свѣтло веселившагося, а—тамъ—искавшаго капли воды, чтобъ устудить языкъ и не получившаго,—напомню всѣ сіи пагубныя слѣдствія непощенія и невоздержанія,—чтобъ приложить къ сему: имѣете разумъ,—учитесь же. И *не будете яко конь и мескъ, имже нѣсть разума* (Пс. 31, 9),—кои браздою и уздами челюсти востягиваютъ, когда они упорствуютъ и не покоряются.—У этихъ кормило—узда; а у разумныхъ—разумъ.—

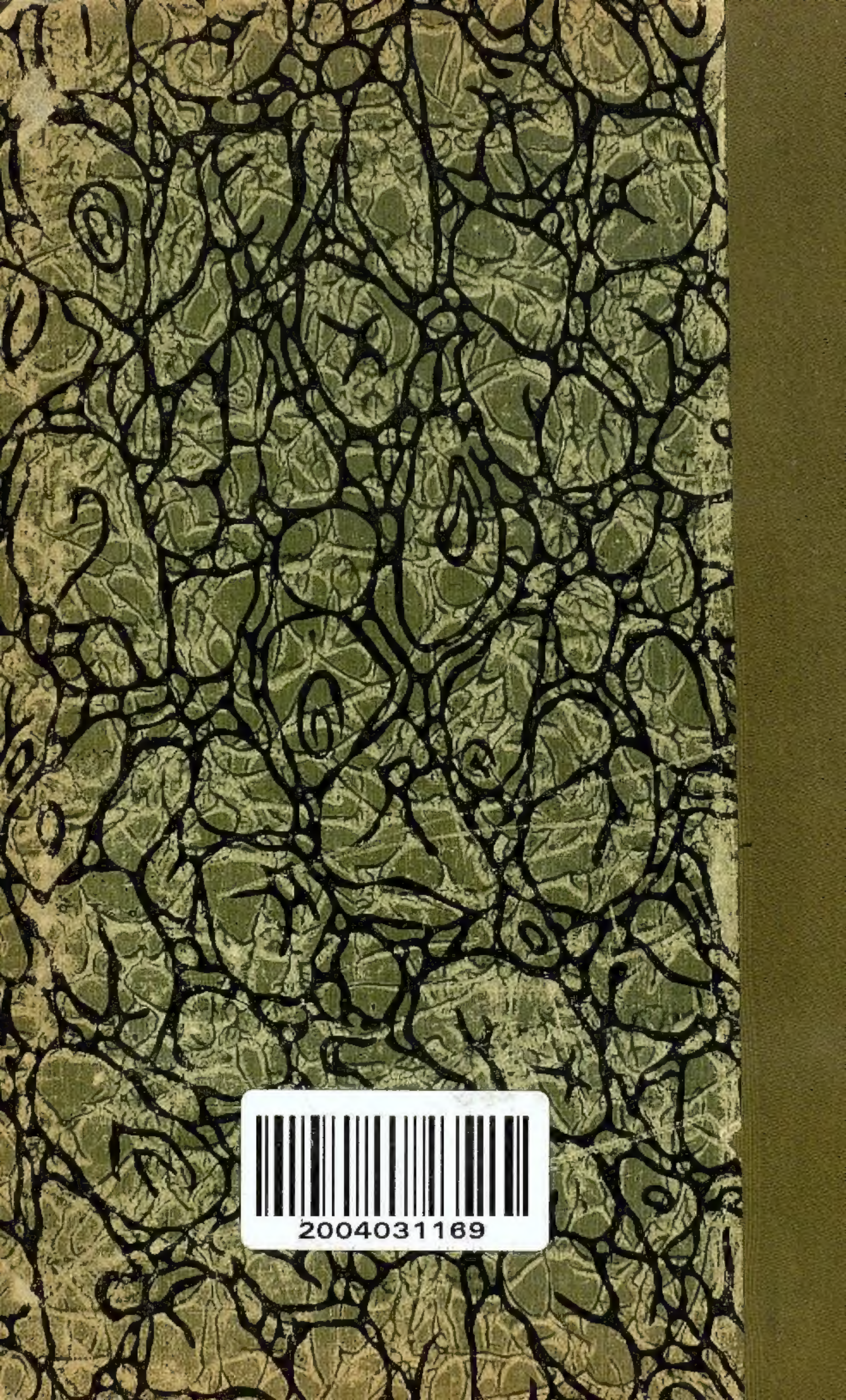
Но есть разумъ кривотолкливый: не его я разумѣю; а разумъ здравый, мѣру свою знающій, не взимающійся на разумъ Божій, а ему покорствующій и волю свою смиренно подъ его иго подклоняющій. Его возставьте въ себѣ и силу ему дайте. И онъ научитъ васъ—не отказываться отъ того, что Богъ законоположилъ устами церкви; а, напротивъ,—силъ не щадить въ засвидѣтельствованіе своего послушнаго ей сыновства;—научитъ не слушать опасливыхъ за здоровье внушеній,—указывая не въ постѣ, а въ непощеніи—источникъ нездоровья тѣла и разслабленія души;—презирать неодобрительные возгласы стороннихъ, увѣряя, что кто худо скажетъ о постѣ и постящемся, тотъ этимъ самымъ хуже скажетъ о себѣ, нежели о нихъ;—не видѣть и нынѣ безвременности въ строгомъ исполненіи уставовъ святой Церкви, уясняя, что скорѣе они безвременны были тогда, какъ въ первый разъ вводи-

мы были и еще не видѣли исполнителей, нежели нынѣ среди такого ихъ множества;—прогонять робкія помышленія о недостиженіи той мѣры поста, на коей онъ бываетъ спасителенъ, представляя, что, когда подобострастные намъ постники—Моѵсей, Илія, Іоаннъ Предтеча,—въ славѣ нынѣ почивающіе, только еще полагали путь пощенію,—достиженіе высшихъ его степеней было затруднительнѣе, нежели нынѣ, послѣ стольких свѣтлыхъ примѣровъ и опытовъ благоуспѣшныхъ;—отстранять льстивую мысль о возможности замѣнить тѣлесный постъ духовнымъ пощеніемъ, внушая, что скорѣе тѣлесный постъ состоится безъ духовнаго, нежели духовный безъ тѣлеснаго;—видѣть—въ истощенія плоти мѣру обновленія духа, и въ степеняхъ постничества—лѣствицу духовнаго восхожденія, которой верхній конецъ утверждается на небѣ.—

Такими и подобными помышленіями ограждаясь, мы дадимъ благому намѣренію послушанія Церкви силу прорасти, окрѣпнуть и принести плодъ—дѣла покаянія и достойнаго прохожденія предлежащаго поста,—въ славу Господа, воплощеніемъ нашего ради спасенія Себя истощившаго,—Которому и помолимся—лучъ свѣта отъ рождества Своего, какъ звѣзду, на насъ испустить, и тѣмъ, освѣтивъ примрачность поста, веселымъ и обрадованнымъ шествіемъ привесть къ Виѳлеемскимъ яслямъ,—и тогда сподобить насъ со Ангелами радостно воспѣть: *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ: въ человѣцѣхъ благоволеніе.* Аминь.

Въ недѣлю 23-ю по
Пятидесятницѣ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2004031169